

N8189
.S62
R974
1928

2261
h768
995
6818N

All Correspondence
and Billing To:

ISBN

PRICE

Acc
CB#:

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

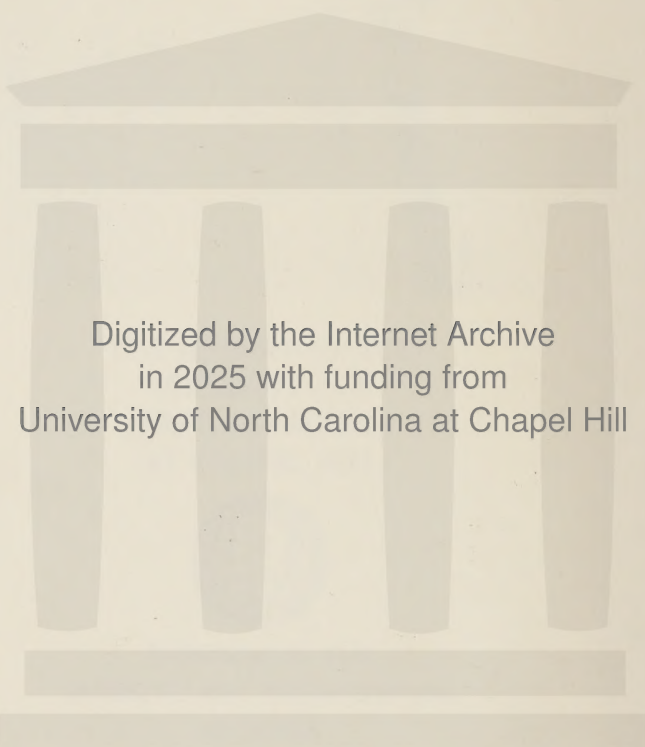
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

N8189
.S62
R974
1928

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00008083860

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

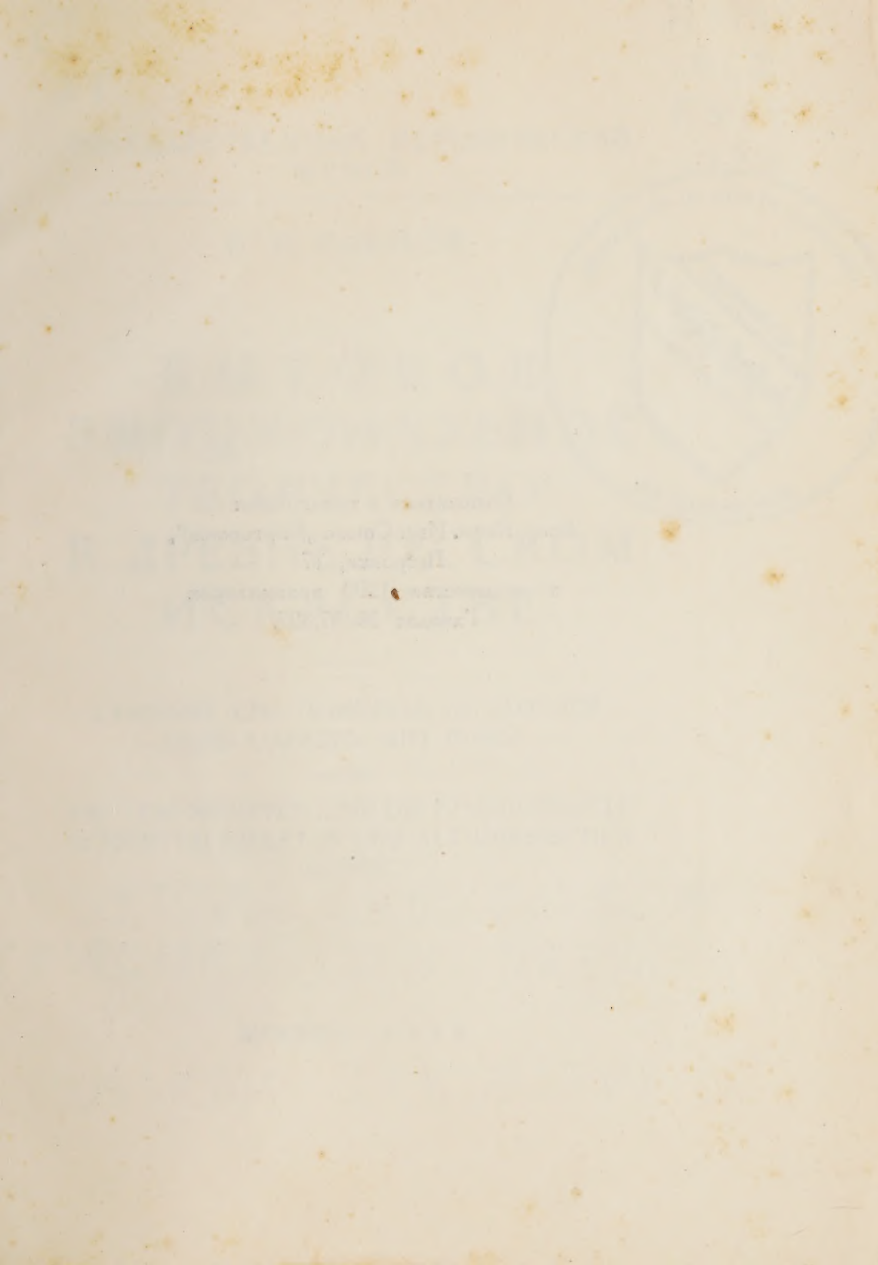
П. И. КАРПОВ

Б Ы Т О В О Е
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
В ДРЕВНЕ-РУССКОМ
ИСКУССТВЕ

L'OEUVRE ÉMOTIONNELLE DE MOEURS
DANS L'ANCIEN ART RUSSE

DIE LEBENSITTEN UND DIE EMOTIONNELLE
SCHÖPFERKRAFT IN DER ALT-RUSSISCHEN
KUNST

ИЗДАНИЕ ГОСУД. ИСТОР. МУЗЕЯ
Москва — 1928

Отпечатано в типографии
Всер. Кооп. Изд. Союза „Книгосоюз“,
Петровка, 17
в количестве 1200 экземпляров
Главлит № 97.327.

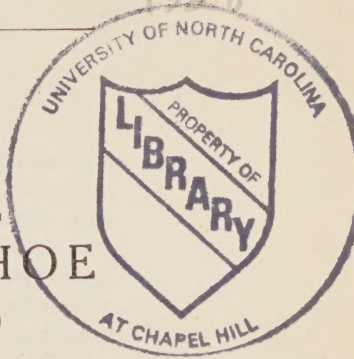
C
DT

N8189
1562
R974
1928

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

П. И. КАРПОВ.

БЫТОВОЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
В ДРЕВНЕ-РУССКОМ
ИСКУССТВЕ

L'OEUVRE ÉMOTIONNELLE DE MOEURS
DANS L'ANCIEN ART RUSSE.

DIE LEBENSITTEN UND DIE EMOTIONNELLE
SCHÖPFER KRAFT IN DER ALT-RUSSISCHEN
KUNST.

BYTOVOE EMOTSIONAL'NOE
TVORCHESTVO V DREVNE-

МОСКВА — 1928

RUSSKOM ISKUSSTVE

Печатается по постановлению Правления Г. И. М.
Ученый секретарь: Н. Д. Протасов.

ГЛАВА I

Вступле- ние.

Для того, чтобы понять искусство какого-либо народа, для того, чтобы выявить его ценность, для того, чтобы постигнуть его внутреннее содержание, для того, наконец, чтобы постигнуть направление творческого процесса у данного народа и движущие пружины его, необходимо историю народного развития расчленить на отдельные этапы с тем, чтобы внести критическую оценку в последние и по ним, как по ступеням лестницы, подняться к той психической вершине, на которой пребывает мышление народа в настоящее время.

Каждый народ имеет свою историю развития, в которой отмечаются присущие данному народу социально-психологические особенности. Выявление этих особенностей крайне необходимо, ибо с ними невозможно не считаться при изучении как общественного, так и государственного уклада, оказывающих неизгладимое влияние на художественное творчество народа, т. к. этапы народного развития

тесно связываются с психическими потребностями данного народа, которыми дорожит каждый индивид в отдельности и коллектив в целом.

Народное искусство мы рассматриваем как метод внешнего отреагирования, исходящий из внутреннего творческого переживания, присущего данному народу. Искусство неизбежно должно рассматриваться с государственной точки зрения, ибо внешнее отреагирование рассчитывает на потребителя, последний же согласовывает потребление с коллективными потребностями и вкусами.

Если искусство отвечает народным потребностям и вкусам, то сбыт для него обеспечен; но как бы ни было высоко искусство, как бы ни были совершенны его формы, если оно не вибрирует в унисон с народным восприятием, с народными потребностями и вкусами, то такое искусство не может рассчитывать на народное внимание, т. к. оно окажется бессильным скрасить повседневную обыденщину, богатую скорбями и скупую на радости.

Искусство должно оживлять творчество у воспринимающего лица, а всякое индивидуальное или коллективное творчество создает радость бытия, потому оно и дорого народу.

Искусство тогда только может называться народным, когда оно понятно и доступно каждому зрителю, и только эти его свойства должны считаться положительными и отличающими искусство от науки, последняя доступна избранным, она никогда не претендовала на всеобщее народное признание.

Оно и понятно.

Для того, чтобы ориентироваться в научных построениях необходима длительная подготовка, связанная с изучением определенной научной дисциплины, необходимо подготовиться и к тому, чтобы без труда усваивать научный язык и т. д.

Но о научном развитии народа раньше никто не заботился, а потому наука прежде и была достоянием привилегированных классов.

Если искусство всенародно, если оно для всех понятно, если оно понуждает к личному или коллективному творчеству всякое воспринимающее лицо, то оно становится не только дорогим, но и необходимым данному народу. Если же искусство не отвечает народным потребностям, если оно вступает в конфликт с его восприятием, то такое искусство не может называться народным, народ будет холодно смотреть на него и не будет

дорожить существованием такого искусства.

В петровское время привозили из заграницы высокой ценности мраморные статуи, но народ, увидевший их, окрестил эти художественные произведения именем „белых дьяволиц“. Столь отрицательное отношение народа к предметам высокого искусства вызывалось тем, что народ не понимал его. Народ имел постоянное общение со своим родным примитивом; большое же итальянское искусство отрицательно воспринималось русскими народными массами.

Очевидно, данные художественные произведения ни в какой мере не отвечали народным потребностям и, несмотря на то, что они долго пребывают в наших музеях, народ не ценит и теперь их, потому что не понимает, не воспринимает их, они не создают условий оживления личного или коллективного народного творчества, а, следовательно, являются для народа бездейственными, мертвыми „статуями“.

Русское искусство последнего периода шло и развивалось таким путем, что оно ни в какой мере не было народным, народ не понимал, не ценил и не воспринимал его, народ отмежевал себя от современного искусства, замкнувшись в свои обря-

до-бытовые формы художественного отреагирования.

Многие, мыслящие, передовые люди глубоко сознают и чувствуют разрыв между художественными потребностями народных масс и теми художественными ценностями, которыми мы владеем и которые мы предлагаем народу.

В истории развития русского народа было такое время, когда насильственным путем произошло отторжение народа от искусства, настал такой момент, когда вольно или невольно русский народ отошел от своего искусства, перестал быть творцом и поставщиком художественных произведений, завоевавших сбыт и спрос; вновь народившееся же искусство перестало интересовать народные массы, с течением времени народ, оторванный от своих художественных форм, потерял всякую связь с направлением древне-русского искусства и перестал быть творцом в этой области. Вместе с тем народ ушел и от нового направления в искусстве, как чуждого ему, замкнувшись в формы обрядового отреагирования.

В настоящий момент различные научные общества начали уделять внимание народным обрядам, продукциям фольклора, начали изучать их, но нам кажется, что

современные произведения фольклора не стоят на той высоте, каковой достигло древне-русское искусство, необходимо, по нашему мнению, всю силу изучения направить на старые образцы подлинного народного творчества и в нем искать разгадку печального явления, властно внедрившегося в жизнь русского народа, переоценившего ценности в области его культурных достижений и отодвинувшего народ от возможности создавать свое искусство.

Славянские народы давно владеют вниманием Запада, последний нередко наделяет славянский народ далеко нелестными эпитетами, но инстинктивно чувствует, что в славянском племени обещает такая творческая сила, которая и до настоящего момента пребывает в неразгаданном состоянии, но что в этой сфинксовой загадочности таится скрытая, непонятая и мало проявленная энергия; Запад напрягает мощь своего мышления, стараясь при помощи изучения образцов древне-русского искусства разгадать тайну творческой мощи русского народа с тем, чтобы понять его внутреннее содержание и извлечь из него возможную материальную выгоду.

Запад ко всему подходит с тайною мыслью о возможности извлечения мате-

риальной выгоды; мы не берем на себя профетических обязанностей, а потому не предрешаем вопроса о границах проникновения западных ученых в тайники народного русского художественного творчества; нас больше интересуют наши изыскания в этой области. До последнего момента правительство нашего Союза отпуская средства на реставрацию и охрану памятников древне-русского искусства. Это внимание и материальные средства, уделяемые искусству прошлого, нередко вызывают нарекания и ставят вопрос о том: нужны ли и целесообразны ли данные затраты, не являются ли эти затраты косвенной поддержкой обрядо-культового устремления?

Нам думается, что на данное явление нельзя смотреть так просто и разрешать его столь примитивно.

Служители культа, так же как и остальные лица интеллигентных профессий, вместе с народом потеряли связь с прежним народным искусством и скорее гнали, чем защищали его.

Музейные работники прочно зафиксировали в своей памяти многочисленные случаи отыскивания жемчужин древнерусского искусства на чердаках, в сараях и др. неподходящих местах; это явление

убедительно свидетельствует о том, что служители культа не имели никакого представления о богатстве, которым они владели.

Революционный шквал отыскал эти жемчужины, выработал новые методы реставрации, придав произведениям древнерусского искусства их изначальную красоту, изящество и вернув им мощную художественную действенность. Эти художественные образцы в нынешний период не являются предметами культового почитания, а украшают русские музеи, придав им столь высокую художественную ценность, что западные искусствоведы в настоящее время открыли паломничество в наши музеи; многие иностранцы скупают в большом количестве произведения древнерусского искусства с тем, чтобы пополнить ими свои музеи и сделать их более доступными для изучения при помощи своих научных сил.

Мы твердо убеждены в том, что без проникновения в глубины народного психического содержания, без возможности заглянуть в тайники его творческого процесса, без знания его интересов и художественных потребностей нет путей, могущих расшифровать темные глубины народного древнерусского искусства.

Древне-русское искусство является бесспорно искусством народным, так как в тот период времени поставщиком художественных произведений был народ, он был и творцом, и законодателем в этой области, а потому народ знал свое искусство, ценил и поклонялся ему, вся народная жизнь была прочно связана с искусством, народ был и действительным руководителем художественных вкусов всех классов в стране.

В то время было своеобразное разделение труда среди классов русского народа: образование в стране было малодоступно, а потому оно не было принадлежностью какого-либо класса по преимуществу. Помещики, так же как и крестьяне были или неграмотными, или малограмотными, у помещиков были лишь материальные преимущества перед крестьянами. Техника также стояла довольно низко: крестьяне обходились самодельными орудиями производства и предметами домашнего обихода, помещики предметы роскоши вывозили из за-границы.

Одно лишь искусство стояло на большой высоте, им „по недосугу“ помещики совершенно не занимались, оно всецело находилось в народных руках; художественные произведения создавал или не-

грамотный, или малограмотный народ, который иногда об'единялся в целые общины, кормившиеся только от искусства.

Возникает вопрос: как мог малограмотный, а в массе совсем неграмотный народ создать высокое искусство, нет ли в данном случае переоценки художественных произведений древне-русского искусства?

Вопрос весьма существенный, он требует вдумчивого и обоснованного ответа.

Мы начнем с конца: если бы предметы древне-русского искусства были не высокого качества, то они не могли бы фиксировать на себе внимание искусствоведов Запада и Америки, скупающих и изучающих произведения названного искусства. Если бы мы сами стали на путь пропаганды национальных ценностей, то данное явление могло бы породить сомнение, но мы еще не достаточно развиты для реализации этих приемов, мы еще не умеем дорожить своими ценностями, а потому, к сожалению, узнаем о них после того, когда эти ценности уже изучены вне границы нашего Союза; явление печальное, но к несчастью верное.

Если Западная Европа и Америка, которые ни в коем случае не могут быть заподозренными в желании отыскивать наши хорошие качества, утверждают, что

древне-русское искусство имеет мировое значение, что заставляет их неустанно охотиться за его образцами, то это верная гарантия того, что оценка сделана правильно.

Если древне-русское искусство высоко в художественном отношении, то как согласовать его с именами неграмотных или малограмотных творцов?

Следуя за историческими этапами развития русского народа, видно, что он развивается эмоциональным путем; с точки зрения этого развития мы и должны оценивать его художественные произведения. Русский народ достиг высокого эмоционального развития, для какового вовсе не требуется овладение грамотой, имеющей интеллектуальное значение.

Образцы древне-русского искусства как нельзя лучше подтверждают данное положение: они высоки в художественном отношении, имеющем эмоциональную базу; высокие же эмоции могут выкристаллизоваться в величайшие произведения искусства, не нуждаясь в помощи интеллекта.

Эмоциональное развитие имеет большое сродство к интуитивному мышлению, последнее же является самой высокой возможностью для проявления во вне продуктов человеческого творчества.

Русский человек интуитивен, а потому он и является сфинксом для Запада и Америки, потому он и создавал высокие произведения художественного значения, потому славянина и не боится изучать Запад, но этот страх, к сожалению, живет в сердцах самих славян, которые употребляют всяческие меры к тому, чтобы уйти, как можно дальше, от самопознания.

Почему русское искусство развилось до высоких пределов, почему оно перестало развиваться дальше, почему сами русские утеряли связь со своим прежним искусством, почему многие не понимают ценности своего родного искусства и считают затраты на его реставрацию и хранение излишней и дорого стоящей роскошью?

Вот вопросы, которые неустанным каскадом истекают из нашего мышления и имеют для нас первенствующее практическое и научное значение, а потому должны быть обсуждены со всей серьезностью и беспристрастностью.

Настал момент, когда народное самосознание достигло такой высоты, которая дает возможность безбоязненно вступать на путь самоизучения, самокритики и самооценки, настало время, когда формула, „познай самого себя“, должна быть реализована.

Для того, чтобы с полной ориентировкой вступить на путь изучения древне-русского искусства, необходимо кратко проследить исторический путь развития русского народа, и по этим историческим вехам подойти к аргументации, связанной с прежним народным творчеством.

Исторические этапы развития русского народа прочно живут в нашей памяти, а потому слишком подробно останавливаться на данных вопросах мы не предполагаем.

ГЛАВА II

ПУТЬ СЛАВЯНСКОГО РАЗВИТИЯ

I период

МНОГОВОЖИЕ

**Историче-
ские
данные.**

Этапы исторического развития народа всегда должны быть в нашей памяти, всегда должны быть доступны критике, беспристрастной оценке и комбинированию в том случае, когда мы подходим к изучению искусства, науки или техники какого-либо народа. Человек, не знающий истории и не фиксирующий ее этапов в глубине своей личности, будет как варвар бродить среди исторических памятников, не придавая им никакой ценности, не сознавая того, для чего они хранятся и почему на их поддержание и охрану тратятся материальные средства. Изложенные факты понуждают нас в самых кратких чертах коснуться главных момен-

тов исторического развития русского народа, и на основании этих моментов попытаться наметить пути, по которым развивалось древне-русское искусство, достигло определенной высоты и повернуло к другим истокам, направлявшим свои творческие силы по иному руслу, неинтересному, непонятному и неимеющему никакой цены для народа.

**Предки
славян.**

Предки и соседи имели огромное влияние на историческое и психическое развитие славян, а потому обычаи, семейный и общинный уклад жизни и верования предков и соседей славян всегда нужно иметь в виду при оценке исторических путей славянского развития, оказывавших существенное влияние на развитие содержания и формы искусства, удовлетворявшего эмоционально-эстетическим потребностям данного народа.

В виду того, что каждый гражданин в достаточной мере знаком с историей развития своего народа, не предполагается в данной работе подробно сообщать исторические данные, относящиеся к истокам жизни славян, а лишь как примерный источник наследия и подражания можно привести скифов, кочевавших в южных степях теперешнего нашего Союза. Скифы

являлись наиболее организованными ордами, скопом нападавшими на соседей, грабившими и убивавшими их. При помощи вооруженных набегов скифы улучшали свое материальное благосостояние, а потому и служили предметом зависти и подражания со стороны более слабых общин.

Этот народ создал свои обычаи и верования, которые впитывались славянами и приспособлялись к укладу их жизни, а потому они и заслуживают внимания с нашей точки зрения.

Обычаи соседей славян были грубы и дики, все они пышно расцвечивались яркой гаммой низших эмоций, питавшихся злобой, завистью, ненавистью и местью к своим иноплеменникам, а потому к участию в общественных пирах их допускались лишь те лица, которые убили хоть одного врага. Черепа убитых были почетными застольными чашами у всех варваров.

Верования предков и соседей славян, также как и обычаи их были примитивно грубы, напр., ГЕРОДОТ говорит о скифах, что богом у них был меч, воткнутый в хворост, ему приносились человеческие жертвы (один из ста пленных). Умершие, по их верованиям, жили так же как и живые, а потому вместе с покойником, хоронили любимую жену и лошадь,

наиболее приближенных людей, украшения и вещи покойного. Умершему предводителю через год приносились новые жертвы в количестве пятидесяти убитых всадников.

Славяне жили в бассейнах следующих рек: Днепра, верхнего и среднего течения Западной Двины, распространяясь до озера Ильменя, по верховьям Оки и Волги, Западного Буга и Днестра, и здесь стали они устраивать скромную, полную лишений и опасностей жизнь. Климат, в котором начали организовывать свою жизнь славяне, был суров во всех отношениях. В приведенных выше пределах славянин стал устраивать свои землянки и курные хижины, пользуясь скудной и однообразной пищей, самодельной, неприхотливой одеждой. Благодаря таким условиям наш предок — славянин был вынослив, закален, нетребователен и непривычен к излишествах.

Вначале у славянина почти не было накоплений, т. к. жил он всегда под страхом жестоких набегов соседей, во время которых старики, женщины и дети уходили в глубь лесов, молодые, крепкие и сильные мужчины спешно закапывали что поценнее в землю, а сами с длинным тростником во рту укрывались в воду.

Уже у начальных истоков исторического бытия славян отмечается весьма интерес-

ный факт пассивного сопротивления, характеризующего борьбу этого народа, в дальнейшем эта способность развилась и создала одну из отличительных черт, свойственных характеру русского человека.

**Верования
славян.**

Славянами одухотворялась вся природа.

Всякая стихия имела свое божество и если последнее, по мнению славянина, было могуче, то ему ставился идол и приносились жертвы. Волхвы, колдуны и ведьмы занимали почетное место в сознании славянина.

Потому, что славянин жил в суровом, холодном климате с небольшими приспособлениями, печка играла в его жизни существенную роль: она была сердцем его жилья, из нее исходит тепло, обогревающее всех, на ней готовится пища, огонь в ней является живою силою, а потому в новый дом переносится он в виде горящих углей. В каждом доме за печкой живет домовая, чтобы умиловить последнего, ему приносился в жертву петух.

**Государ-
ственное
устройство.**

О государстве, как о целом объединении, конечно, в первый период, оставивший нам сведения о жизни славян, не было представления.

Славяне управлялись семьями и общинами, слагавшимися из породнившихся путем брачных союзов семей.

В дальнейшем развитии у славян появляется князь, но он везде был ограничен в правах, и высшее управление в общинах принадлежало воле народа, выявлявшейся на вече.

Анархизм государственного устройства вырабатывал из русского человека тип с пассивным сопротивлением. Славяне вначале редко нападали на соседей, чаще оборонялись от них, в то же время охотно враждовали друг с другом.

Анархизм слабо об'единял общину, развивая до предела индивидуализм, он не концентрирует общинной воли и тогда, когда к последней пред'являются самые жизненные потребности защиты, даже и в этом случае анархический индивидуализм властно проявляет себя, заставляя людей создавать индивидуальные меры охраны.

Русская интеллигенция, давно уклонившаяся с пути народного развития, и живет, и мыслит по иному, не так, как живет и мыслит народ, поэтому представители русской интеллигенции не раз заявляли в своих печатных и устных выступлениях о том, что русские не имеют в своих

рядом героев, что если русскому романисту нужен герой, то он такого вывозит из за-границы, как, напр., Штольц у Гончарова.

Среди русских, конечно, много героев, но эти герои характеризуются эмоциональными, а не интеллектуальными чертами, интеллигенция же подходит к оценке героизма с интеллектуальной точки зрения, не имеющей для народа никакой ценности.

Между русским народом и русской интеллигенцией давно образовалась пропасть, так как оба эти слоя совершают свои развития в разных психических плоскостях.

**Психологи-
ческая
оценка
жизни
древних
славян.**

Наши предки вели суровый образ жизни, упорно боролись с природными и климатическими условиями, враждовали между собой и оборонялись от набегов соседей, последние часто разоряли славян, а потому их жизнь протекала в начале без накоплений. Такая жизнь выработала стойкий организм, оставляющий после себя здоровое потомство, ибо слабые не выжили в столь суровых условиях.

У наших предков вырабатывались главным образом эмоции защитного характера. Защита славян развивалась по линии пассивной борьбы.

Помимо этого у наших предков развивались эмоции творчества, проявлявшиеся в верованиях, обрядах и общественной организации.

Верования славян были эмоционально-фантастичны, сказочно-легендарны.

Проявления народной воли иногда облекались в грубо-эмоциональные формы, вполне соответствовавшие тогдашним нравам.

Обряды были многообразны и красочны по богатству эмоциональной расцветки.

В этот период наши предки вели замкнутый семейный образ жизни, а потому широкие общественные интересы находились в зачаточном состоянии, что в свою очередь отражалось и на развивавшихся эмоциях, концентрируя уклон последних в узком эгоистическом русле. Каждый член семьи с малых лет привыкал ценить интересы своего дома, своих близких, своих родичей. Все, что выходило из орбиты семейных и родственных отношений, мало волновало славянина; только при заметном приросте населения, когда малолетние дети и женщины требовали больших забот по обеспечению их материальных интересов, когда круг родства охватывал многие поселения и потому их

интересы становились более или менее общими, тогда стали возникать вопросы, связанные с самообороною в более расширенном масштабе, тогда стали возникать потребности более тесного об'единения общин, тогда нарастала общественная солидарность. Последнее явление, несомненно, отражалось и на личности славянина, и на его эмоциональном совершенствовании. Узко эгоистические эмоции с орбитой семейных интересов стали разрастаться, расширяться, приобретая вначале слабые симптомы общественного альтруизма, постепенно развивающегося в поступательном движении. В дальнейшем развитии славяне включили в свое сознание интересы государственные, при этом усложнялось и эмоциональное совершенствование, переходя постепенно из стадии низших в стадию развития высших альтруистических эмоций.

Первый период исторического развития славян оставил мало произведений художественного творчества, и не он нас занимает в процессе этой работы; но первый период развития славян в силу преемственности накладывал неизгладимый отпечаток на дальнейшее развитие наших предков, что в свою очередь отразилось и на художественной продукции следующего

богатого творчеством периода; к фиксации исторических факторов, оказывавших действенное влияние на развитие древне - русского искусства, мы и переходим.

Г Л А В А III

ПУТЬ СЛАВЯНСКОГО РАЗВИТИЯ

II период

ХРИСТИАНСТВО

**Усложнение
социальных
условий.**

Народ, создавая свою историю, видоизменяет и будет изменять в дальнейшем не раз внешние и внутренние формы своего существования.

Развиваясь, народ постепенно меняет свои верования, обычаи, уклад жизни, взаимоотношения государственного, общественного и семейного характера. Много, что раньше казалось бесспорным, незыблемым, правдивым, становится невыносимым, скучным, неприемлемым в дальнейшей жизни.

Славяне по личному почину или по другим побудительным причинам вели или наступательную, или защитную войну с соседями; торговые сношения их постепенно стали выходить из границ своей

земли: сами они вывозили товары из пределов страны, к ним приезжали иноземные купцы, вступавшие в дружеские отношения с русским обывателем. Гость привозил обычаи своей страны, свои костюмы, свои понятия о власти, об общественном и государственном строе. Он делился своими мыслями, своими требованиями как морального, так и правового характера. Наши воины и купцы, будучи в чужих странах, впитывали сведения о другой, чуждой им жизни и приносили эти сведения к себе, приспособляя некоторые из них к родным условиям жизни. Но такие заплатки в сфере быта не могут слишком долго удовлетворять страну; появившееся неудовлетворение, развившееся в эволюционном порядке, прочно, оно требует более основательной ломки, из которой выковываются иные формы, иные приемы государственного управления и общественных взаимоотношений, видоизменяющих индивидуальную и коллективную жизнь в государстве.

Самое сильное влияние на русскую жизнь и ее культурное совершенствование в этот период оказывала Византия; ее обычаи, верование и государственный строй пленяли широкую, эмоциональную натуру славянина. Славянин к этому времени уже

был и крепок, и богат, и самолюбив, он не просто, крадучись, перевозил к себе то, что ему нравилось, нет, он с оружием в руках добывал нужное; так случилось и с принятием славянами от Византии обрядово-культовых верований, которые, будучи перенесенными на русскую землю, постепенно стали влиять на развитие эмоций, направляя их совершенствование в иное русло.

Если прежние эмоции, питаемые злобой, завистью, ненавистью и местью, веками оставались руководителями жизни, то, конечно, трудно предполагать, что, внедрившиеся в жизнь обычаи и верования с другим уклоном, могли сразу изменить внешний и внутренний облик русского человека.

Христианство принесло с собою новые понятия братства, равенства и свободы, но эти понятия воспринимались лишь внешне, они не вошли в психическое горнило и не сплывались в прочный действенный монолит, а существовали как нечто сказочное, навеянное далекой, мифической грезой, рассказы о которой приятно слушать, а руководиться в жизни все же нужно тем, что отделить, оторвать немедленно от потребностей не представляется возможным, поэтому жизнь русского чело-

века была полна непонятных, грубых противоречий.

ГЕРБЕРШТЕЙН говорит о том, как русские строго соблюдали посты, как они были набожны, как они глубоко были уверены в истинности своих верований, как не желали они иметь проповедников, считая, что от проповедей появляются ереси; но в то же время обычаи этих своеобразных христиан были до крайности грубы и даже дики, так, напр., в праздничные дни большинство русских людей пило одурманивающие спиртные напитки, благодаря чему вели себя безобразно, отвратительно; в судах применялись пытки и телесные наказания, грабежи и убийства были обычным явлением, девушки выходили замуж за женихов, находимых им родителями, и т. д.

ГЕРБЕРШТЕЙН точно установил противоречия, переплетавшиеся в жизни русского человека: христианство с принципами любви и сострадания—с одной стороны, пьянство, грабежи, кулачные бои и убийства—с другой стороны.

**Государ-
ственный
строй.**

Семья являлась первым звеном, об'единяющим людей путем заключения браков, родственные взаимоотношения расширились, об'единяя людей в общины, а вследствие постоянной вражды между

последними, появляются предводители, усиливающие свою власть до княжеской. Но все же княжеская власть на первых порах является весьма ограниченной, она не владеет землею и не передает последнюю по наследству, эти преимущества приобретаются впоследствии. Народ на первых ступенях своего совершенствования не охотно передает власть над собою в чьи-либо руки, он предпочитает быть самому хозяином в своей земле.

Русские, более чем какие-либо иные народы, не склонны концентрировать власть над собою в чьих-либо отдельных руках, правда, исторические факты, как будто, утверждают противоположное, но беспристрастная оценка их не менее убедительна фактами, оправдывающими первое положение.

На самом деле, какой народ развил до больших пределов эмоционально-анархический образ правления, как это сделал русский народ во Пскове и Новгороде?

Новгородские и Псковские общины анархического характера, управлявшиеся вечем, пали при Иване Грозном; после этого падения казалось бы, что такому образу правления нанесен смертельный удар, что оно раз навсегда изгнано из русской жизни. На самом же деле мы

наблюдаем странное явление: в сознании русского человека, повидимому, все время живет потребность к эмоционально-анархическому строю, о чем нам говорят старообрядческие общины, откупавшиеся от начальства серебром и золотом с тем, чтобы начальники не вмешивались в их жизнь. Различные секты, напр., бегуны страдали за свои убеждения не признания властей. Только русские могли организовать мощную анархическую общину, вынужденную выселиться в далекую Америку (Духоборы).

Очевидно, народ, развивающийся эмоционально-анархическим порядком, неизбежно активно или пассивно борется против концентрации власти в немногих руках и против нагромождения юридических законов. Русские, больше чем какой другой народ, не уважают внешний юридический закон, у нас выработалась характерная поговорка: „Закон существует для того, чтобы его обходить“.

Войны и торговые сношения с соседями постепенно усложняли жизнь и усиливали власть князей, умолая достоинство вече.

Рабство. Благодаря ведению войн с соседями и между своими уделами брались пленные, которые по обычаю того времени обращались в рабство,

последнее распространялось и на неоплатных должников, которыми были главным образом крестьяне, так как продукты их труда расценивались весьма низко, а потому, раз задолжав, крестьянин тем самым попадал в кабалу к своему заимодавцу.

В дальнейшем помещик должен был во время войны представлять определенное количество вооруженного войска. От количества представленного войска и от степени вооружения последнего зависело дальнейшее обогащение самого помещика; все это понудило Бориса Годунова в 1597 г. издать указ об обращении в рабство вольных холопов, проживших у хозяина от полугода и более.

Жизнь русского крестьянина, занятого на помещичьей работе, была полна материальных лишений и духовного гнета, ибо каждый крестьянин, не знавший от работы отдыха, был под вечным впечатлением потомственного рабства; веселие, радость и счастье существовали не для него. К животным относились более внимательно и бережно, чем к человеку. Рабов продавали, разлучая их с семьями; женщинам приказывали отнимать своих детей от груди для того, чтобы выкармливать помещичьих щенят и т. д., не говоря уже о том, что барин имел право не только на тело своего

раба, но и на его жизнь. Дикость тогдашних поступков не укладывается в голове современного гражданина, но наши предки, мучаясь, жили, работали и, будучи неграмотными, создавали свое оригинальное искусство высокой ценности. Если бы не было этого искусства, то жизнь народа была бы невыносимой, губительной, так как законы вырождения, действующие в течение веков, ослабили бы расовую мощь славянина.

Бунты. Невыносимо тяжкая жизнь крестьянина без радости в настоящем, без надежд в будущем порождала протесты то в виде единичных убийств помещиков, то поджогов усадеб, то в виде местных организованных бунтов; когда же жизнь трудового народа доходила до пределов отчаяния, тогда народные восстания захватывали целиком все государство; в это время помещики расплачивались своими жизнями за издевательства, чинимые долготерпеливому народу.

Один из народных вождей, поднявший крестьян против помещиков, — Дмитрий I дошел до Москвы, стал русским царем, он запретил дальнейшее обращение в рабство, а после смерти помещика все крестьяне делались свободными.

Разин и Пугачев были народными вождями, уничтожившими большое количество помещиков и временно освободившими народ от рабства.

Власть. Как было сказано выше, власть в далеком прошлом была весьма ограничена. Но защита от врагов постепенно усиливала власть, снабжая ее все большими и большими преимуществами. Сильные князья подчиняли своему влиянию слабых, объединяя под своей властью все большие и большие области. Жизнь постепенно стала усложняться. Расширилась торговля, потребовалось утверждение договоров и других обязательств. Взаимоотношения усложнялись, ширились и росли, вместе с чем росли и ширились и полномочия власти.

Деньги стали концентрироваться в немногих руках. Появилась роскошь. Богатые стали презирать бедных. Власть, конечно, ориентировалась на богатых, создавая для последних всякие преимущества.

Не смотря на неблагоприятные условия жизни бедняков, не смотря на роскошь, в которую впадали власть и помещики, все же нужно сказать, что представители власти мало чем отличались от народа. Внешность преобладала: по богатству платья можно было отличить помещик

от крестьянина, по общему же развитию вначале они мало отличались друг от друга.

Постепенно наладилась и усложнилась связь с иностранцами, последние привозили с товарами свои обычаи, нравы, и т. д. Русские принимали заморских гостей, иногда водили с ними „компанию“, но держались крепко своих обычаев, создавая свою культуру и свое оригинальное и высокоценное искусство.

Русские почти не бывали за границей, они не любили отрываться от насиженных гнезд, дедовские обычаи крепко привязывали их к родному очагу, в нем видели они всю прелесть жизни, ибо в нем хранились и домашние предания, и радость семейной жизни, и близкое духовное общение, здесь зарождалась радость, здесь изживалось горе, болезни и несчастья.

Но настал момент, когда власть резко порвала связь со старыми устоями жизни. Представитель ее, побывав за пределами своего государства, впитал там новые идеи, новые обычаи, приемы новой культуры и задумал преобразовать государство, изменив в корне его эмоциональную базу развития на базу интеллектуальную (Петр I). Как эти изменения отразились на судьбе древне-русского искусства, будет сказано ниже.

**Природа
и вера.**

Некрасна и малоуютна была жизнь русского народа в период крепостного права: курная изба, четверть которой занимала печь, ибо последняя служила не только для обогрева и приготовления пищи, но и для сна. В избе зимою жили не только люди, но и новорожденные животные со своими матерями: корова с телятами, овца с ягнятами, свинья с поросятами. Все это население совершало все свои отправления в отведенном им углу. Большая крестьянская семья жила здесь же. Только летом изба не была заселена до отказа.

В летнее время крестьянин и день, и ночь проводит на воздухе; в летний день его ласкают лучи солнца, ночью луна, звезды и синева неба побуждают ум к творческой работе, оживляется фантастика и творит неясные образы, наделяя живыми свойствами всю окружающую природу.

Не всегда крестьянин в летнюю пору возвращается домой, он нередко проводит целые недели в степи, в поле. Он чутким творческим ухом прислушивается к своеобразно обаятельным ночным звукам, он смотрит на мерцающий свет звезд, он по своему воспринимает тени при лунном свете,

он, не мудрствуя лукаво, эмоционально воспринимает ритм вселенной, переживает в форме ему свойственной красочной гаммы сложные, но необлекающиеся в слова чувства.

Летние работы и переживания накладывают неизгладимый отпечаток на народную личность.

В этот период, несмотря на тяжесть летних работ, несмотря на недоедание и недосыпание,— творческий ритм вибрирует действенным аккордом, и народ слагает звучные песни, образные сказки, создает ярко цветистые обряды, в которых венки из живых цветов украшают головы девушек и юношей, одетых в яркие цветные одежды, гармонирующие с окружающей природой, зелеными лугами, поросшим цветами берегом и с украшенными кувшинкой водами близкой, родной реки.

Насколько величественнее венки из живых цветов, украшающие головы поселян, мишурно-мертвых корон, отягощающих головы тиранов?!

Сильна, привольна и непосредственна песнь народа, в ней отражается творческая мысль и непосредственная близость к красоте природы, в ней преломляется мир в иную, близкую, человеческую гармонию, в ней концентрируется радость

бытия, любовь к свободе, в ней, как в зеркале отражается и горе, и счастье, и страх, и веселие, в ней звучит то чистое, то светлое, что украшает жизнь цветами радости, мечтами по далекому, неосуществимому, справедливому бытию, и короткая радость создает твердую веру в лучшее будущее, благодаря которой скрашиваются тяготы повседневной работы и горестных обид.

Осенью блекнут цветы, небо становится более глубоким и синим, начинают лить дожди. Грязь, слякоть и холод уже спугнули летние мечты, летнюю сказку ночи, летний зной дня, оставив о них неизгладимые воспоминания. Ветер, стужа и мрак уже стучатся в бревенчатую стену крестьянского жилья и напоминают ему о необходимости иметь запас дров и продуктов для семьи и домашних животных.

Настала зима: потрескивают бревна избы.

Хозяйка ежедневно утром топит печь и готовит горячую пищу.

Ветер в трубе поет заунывную песню.

Замерзли окна, увеличив изоляцию человека от окружающего мира.

Угрюма, скованная стужей и снегом, природа.

Угрюмо и нелюдимо живет русский человек зимою: больше лежит он на печке

и видит во сне и летнее солнце, и холодный, свежий, водный ключ, и серебристые лунные дорожки, проложенные по полю, слышит певчих птиц и таинственные звуки ночи... действительность же пугает грезы и выступает во всей неприглядности.

Поэтическая народная душа устает от долгой, холодной зимы, скупой на радости.

Эстетические переживания требуют отреагирования.

Ищет народ возможности размыкать свое горе, отвести душу на радости.

На улице снег, холод, одежда самодельная плохо согревает. Веселиться как будто не от чего. Но жажда красоты, возможность забыть свою нужду и горе предъявляют властные требования.

Жизнь желает выливаться в разнообразные переживания, ум и фантазия требуют пищи для своей работы, гигиена чувств и разума предъявляет к оплате свои векселя.

Смена Летней природы с ее фантастическими мотивами и разнообразием образов красок нет. Ее нужно заменить; красоту ее нужно пережить при помощи умозрительных реакций, облакаемых в красивые формы, звучные слова, ласкающие мелодии.

Было время, когда под вековым дубом вдохновенный жрец приносил свои жертвоприношения, увлекал присутствовавших таинственностью своих возгласов, сложностью и величием движений, необычайной музыкальностью своего голоса, созданием торжественно - приподнятого настроения, организацией коллективного мерно-величественного ритма.

Ушла безвозвратно дикая, чарующая, непосредственная красота вдохновенного действия, изустно передававшегося из поколения в поколение и хранившего таинственность сокрытого в нем смысла и действенность, захватывающего своей мерностью, ритма.

На смену неясным, освещавшим народный обиход своим светом, переживаниям вклинился в жизнь и прошел по ее низам и верхам мерной поступью новый обряд, создавший свою сложную яркость и образность переживания, обряд неустойчивый по своему ритму, обещающий то, чего жаждет чувство, но не может реализовать в жизни.

От подножия векового дуба, от молитвенного холма, красочно убранного цветами летом, но не уютного и холодного зимою, перешел славянин в величественное здание, созданное и украшенное его

трудом, его художественной изобразительностью, его народным гениально-цветистым творчеством.

Ярок эмоциональный аккорд внутреннего переживания славянина. Нужны яркие краски, нужны фантастические образы, нужна величавая красота зодчества, нужны величественно гармонизованные гимны, нужен фимиам, курящий свой аромат к небу, нужно будящее торжественное действие, оживляющее готовое потухнуть зимою индивидуальное и коллективное народное творчество, так как прежнее действие не удовлетворяет, не волнует, не отвечает выросшему народному чувству. Растет народное чувство, повышаются требования к его удовлетворению.

Византийский религиозный обряд увлекает русского человека, ибо отвечает его эмоциональным запросам; народ переселяет этот обряд на свои равнины и отдает ему свои силы, знание и время для того, чтобы сделать его мощным фактором эмоционально-эстетического отреагирования.

Велики жертвы, приносившиеся народом на вновь строившиеся алтари, велики и требования народные к тем, кто предстоит перед алтарем в парчевых одеждах.

Скорбь и стенания, непосильный труд, нищета и невежество были постоянными спутниками русской народной жизни.

Близкие люди были столь же беспомощны и поработены.

Где искать надежду на какой то просвет, на какую то радость если не в настоящем, то в будущем?

Народное будущее выявляется в потомстве. Но крестьянин знал, что его потомство неизбежно становится в рабское положение сейчас же после рождения, так как нередко крестьянский ребенок лишался молока матери, которым вскармливались барские щенята.

Может ли человек хотя бы и с бедными мыслями жить без надежды на лучшее будущее, без надежды на завоевание хотя бы маленькой радости, мелкого семейного счастья?

В каких бы кабальных условиях человек не жил, как бы ни было беспросветно его настоящее, как бы слабы ни были надежды на лучшее будущее, последние все же живут и в сознании, и в сердце народа. Полуголодный поработенный народ в действительной жизни лишен права на счастье и радость, поэтому он ищет сказку, грёзу, мечту, обещающую реализовать счастье и радость если не теперь, то хотя

бы в будущем, сокрытом от нашего познания, а потому не подлежащего ни непосредственному восприятию, ни критике, принимаемого не холодными выкладками ума, а на веру эмоциональным трепетом сердца.

Русский народ жил и развивался не путем интеллектуального прогресса, ибо этой роскоши ему предоставлено не было, а путем эмоционального совершенствования с уклоном в сказочно-мифическое миросозерцание.

Данное развитие предоставляло широкий простор быть счастливым если не в действительности, то в своих внутренних переживаниях, полных эмоциональной убедительности и непреклонной веры.

Путь эмоционального развития создает своих героев, не похожих на Штольца и других заграничных героев, вывезенных к нам для назидания потомству. Эмоциональный герой не шумлив, не кричащ, не требует возведения себя на пьедестал, наоборот, он скромно приносит свои жертвы, не попадая на страницы газет и модных журналов, память об эмоциональных героях теплится в сердцах человеческих в виде скромной искры, обогревающей немудрящее лукаво, детски—наивное народное самосознание. Весть об этих ге-

роях передается из уст в уста, из поколения в поколение, и она дороже и действеннее интеллектуального прогресса, обогащающего жизнь новыми достижениями, новыми ценностями вещного характера, в которых народ слабо разбирается.

Забитый крестьянин горьким опытом познал, что все открытия, добываемые человеческим разумом, идут не на улучшение его жизни, а для дальнейшего закабаления. Инстинктивная мудрость никогда не обманывала его, она научила его относиться с недоверием и подозрительностью ко всякому новшеству, вот почему переселенные на русскую землю немецкие колонисты, не оказали никакого влияния на приемы обрабатывания земли русскими крестьянами: они остались верны своей сохе, ибо они знали, что с улучшением их производства неизбежно повышаются налоги, налагающие на крестьянина еще большие обязанности. Немцу хорошо, он иностранец, пользующийся большими льготами и преимуществами, так как малокультурные страны, угнетая свой народ, создают весьма хорошие условия жизни для иностранных выходцев.

Русские варились в своем эмоциональном соку, создавая свою оригинальную жизнь, полную противоречий и неожидан-

ностей для стороннего наблюдения. Русский умеет страдать и переносить всякие лишения, он умеет и беззаветно любить, и преданно чтить тех, кто не по холодному расчету разума желает облагодетельствовать его, а любящим сердцем прилепляется к народному горю и, не требуя для себя никаких наград, бескорыстно приносит жертвы на пути своего служения народу. Народ один чтит своих героев: ему не с кем разделять свое почитание, так же как и не с кем делиться своим бесконечным горем.

Эмоциональное развитие привело русский народ к принятию от Византии верования, которое под влиянием русского творчества подверглось дальнейшему развитию, характеризующемуся яркой эмоциональной расцветкой. Эта вера согревала и скрашивала скорбную жизнь русского крестьянина и утешала его в горестях. Среди служителей культа в прошлом встречались исключительные люди по своей моральной высоте, напр., Митрополит Филипп говорил по поводу безобразной жизни Ивана Грозного, обращаясь к епископам: „не смотрите на то, что бояре молчат; они связаны житейскими выгодами, а нас на то Господь и отрешил от мира, чтобы мы служили истине,

хотя бы и души наши пришлось положить за паству, иначе вы будете истязаемы в день судный“.

Монастыри и церкви. Служители культа не только поучали народ, но они и делали общественное дело, клонящееся к облегчению трудящегося крестьянства.

Помещики уже стали впадать в роскошь, благодаря чему их имения стали приходить в упадок. Монастыри же скупали у промотавшихся помещиков их имения, поступившим же в распоряжение монастырей крестьянам давались различные материальные льготы, как напр., первое время крестьяне освобождались от налогов. Кроме того, все крестьяне были разбиты на тягла, с которых и брались подати, причем помещичье тягло состояло из двух, трех, четырех лиц, монастырские же тягла насчитывали от 9 до 19 и более рабочих единиц.

Правда, монастыри также пользовались льготами по государственному обложению в сравнении с помещиками, но уже царь Федор, под влиянием дяди своего Никиты Романова и шурина Годунова, лишил монастыри льгот и обязал их платить государственные подати наравне с помещиками. Монастыри имели меньше потребностей, чем помещики, а потому их податные обла-

жения никогда не доходили до помещичьих размеров. Монастырские владения распространялись до больших размеров, напр., при патриархе Никоне на монастырских землях жили двадцать пять тысяч крестьянских семей. Патриарх Никон в случае войны выставял десять тысяч вооруженных воинов.

У крестьян было постоянное сравнение между жизнью помещичьих и монастырских крепостных; эти сравнения всегда были в пользу монастырских „захребетников“.

Мы далеки от мысли идеализировать монастырские крепостные порядки, ибо в них так же процветало рабство, но мы оцениваем монастырские преимущества не с современной, а с исторической точки зрения.

Монастыри скопили в своих руках огромные богатства, вели обширную торговлю, имели свое войско, а потому они оказывали не только влияние на государственное устройство, но имели намерение мирным путем овладеть полнотою светской власти, что особенно ярко проявилось в период патриарха Никона.

Монастыри строили роскошные, величественные церкви, где совершались песнопения, характеризующиеся высоким эмоцио-

нальным под'емом. Крестьяне, жившие в плохих условиях домашней обстановки, в праздничные дни одевали многоцветные костюмы, гармонирующие с окружающей природой; они входили в храмы, в которых была обстановка, отвечающая их мечтам и вырывающая их из неприглядной, полной грусти и тоски действительности. Песнопения обновляли внутренние переживания и создавали красочный эмоциональный ритм, меняющий настроение и оживляющий творческую фантазию.

ГЛАВА IV

ИСКУССТВО И ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Внутренние переживания и их влияние на развитие искусства. Приведенные выше историче-ские данные создают твердое убеждение в том, что русский народ развивался эмоциональ-ным путем. На развитие его эмоций оказывали влияние при-

родные условия жизни, домашний быт и праздники с культово-обрядовыми церемо-ниями; последние являлись мощными фак-торами в деле эмоционального развития русских народных масс, так как ужасающая беднота народа лишала его возможности иного отреагирования. Домашняя жизнь крестьянина была слишком примитивна и мало уютна. Постоянные набеги соседей и междоусобные войны еще более подрывали материальное благосостояние народа.

Народ нередко подпадал под длительное иго, благодаря которому материальное оскудение и моральные потрясения воз-

растали до невероятных пределов; в тоже время усиливалась светская власть, также паразитировавшая на убогом народном хозяйстве и на народном труде.

Эти условия создавали забитость и озлобленность народа. Народ чувствовал себя по-человечески только тогда, когда он находился в стенах своего скромного жилища.

Человеческой личности присуще то, что она, уходя из жизни, старается оставить в последней следы своего существования в виде наследства своему потомству. Что мог оставить в наследство своему потомству загнанный, забитый, измученный и озлобленный крестьянин, кроме семейных реликвий, не имеющих материальной ценности ни для помещика, ни для чиновника, ни для татарского баскака, собиравшего с народа дань.

Какие же реликвии семейного характера могли не привлечь алчные взоры материальных хищников?

Таковыми реликвиями являлись предметы культового характера, ибо на них не покушались насильники, а потому по ним, как по книгам велась семейная и общественная хроника. С этими предметами была крепко спаяна родословная данной семьи, память о предках, ушедших из жизни,

урожайные и неурожайные годы, общественные бедствия, времена эпидемий и другие события.

Эти реликвии, переходя из рода в род, были свидетелями всех радостей и горестей семьи, а потому эти предметы пользовались и почитанием, и вниманием, и бережным отношением, так как они являлись немymi участниками в жизни обездоленного и измученного народа, а потому к ним народ относился не как к мертвым игрушкам, а как к живому объекту, конденсирующему на себе эмоциональные переживания многих поколений.

Если предметы культового характера были ценны и дороги народу, то естественно вполне, что народ уделял этим предметам большое внимание, много сил и времени и смотрел на них, как на живых членов своей семьи.

У помещика и у служилого чиновника было много побочных интересов эгоистического характера, крепко державших вожделения данных классов в орбите своего влияния. Живые люди, работавшие на них, всегда находились в потоке их помыслов и воздействий, ибо из их работы, пота и крови слагались и благополучие, и радость, и благосостояние помещика и чиновника.

Но народные переживания были столь мощны и действенны, что они привлекали и барское внимание к почитанию предметов культа.

Если предметы культа были дороги народу, то вполне естественно и то, что народ принимал активное участие в создании, развитии и усовершенствовании искусства, связанного с реализацией художественных предметов обрядово-культового порядка. И действительно народ в былое время являлся не только потребителем, но и творцом, и законодателем в области древне-русского искусства.

Древне-русское искусство отражало всю гамму эмоциональных страданий, связанных с народной жизнью. Это искусство облегчало народные страдания путем внешних отреагирований на тяжкие внутренние переживания народа. Это искусство профетически заглядывало в будущее, создавая надежды и упования на лучшие времена.

Неграмотный, измученный народ творил свою красивую, полную внутреннего содержания и гармонии сказку, как в творческих мечтах, так и во внешних произведениях искусства.

Все тяжкое горе, всю глубокую душевную скорбь, все физические и моральные

страдания, все материальные лишения концентрировал народ на близких его сердцу и помыслам художественных предметах культового значения.

Эти предметы выявлялись в мощной красочной гамме и производили чарующее влияние на зрителя, забывавшего при общении с ними неприглядную, полную лишений действительность, порождая глубокую уверенность в том, что где-то, в каких то заоблачных чертогах вечно живет и господствует правда и истина.

Культовые вехи в виде высоко-художественных, красочно-действенных, музыкально-ритмичных образов вели в мир вечного спокойствия, в храм правды, в чертоги истины. Эти храмы и чертоги побуждали каждого участника в культовом действии к личному творчеству и возбуждали в нем неиссякающую надежду на то, что и он когда-нибудь станет носителем правды, служителем предвечной и всепознающей мудрости и изначальной истины, сокрытой от народа врагами его — алчными чиновниками и помещиками, перед которыми предвечные врата правды и истины навсегда останутся закрытыми.

Эмоции владеют своею правдой, своею истиной, кажущейся интеллектуальному мышлению детски наивной, но от такой

интеллектуальной оценки народная эмоциональная мудрость нисколько не тускнеет и историческое значение ее не умаляется.

Такое мирозерцание народа создавало особый эмоциональный ритм в сердце и помыслах его. Оно охраняло народ от вырождения, оно скрашивало его повседневные будни, полные горя и отчаяния, оно убеждало его в том, что он, благодаря своим лишениям, и явится тем избранным служителем и стражем правды и истины, не выпускающим в свои храмы и чертоги людей, погрязших в нечестивых пороках.

Это мирозерцание ограждало народ от физического вырождения, неизбежно вступающего в свои права в среде лиц, жизнь которых полна материальных лишений.

С этим мирозерцанием шел народ по своему тернистому пути в течение многих веков, и на его жизненной стезе неутомимо и бесменно сопровождал его образ культового поклонения, озаряющий народные сумерки ярким, теплым и неугасимым эмоциональным пламенем, переплавляющим низшие эмоции злобы, зависти, ненависти и мести в высшие эмоции любви и жертвы.

Древне-русское искусство целиком несет на себе черты культового обряда, ибо в то время все интересы народа были

сосредоточены на этом моменте психического отреагирования.

Жили, развивались и совершенствовались художественные формы, усложняя и расцвечивая художественной гаммой народные потребности, создавали они особый ритм одного и того же мотива, полного действенной силы.

На протяжении веков, художественное творчество народа развивалось и зрело, создавая исключительные по красоте и действенности формы, в которые вплетались и скорбь, и гнев, и надежда русского народа на лучшее будущее.

Дворянство и чиновничество, будучи отвлечены материальными заботами и удовольствиями личного характера, были всецело поглощены этими переживаниями, а потому за „недосугом“ они не могли уделять своего внимания и времени искусству, его развитию и его совершенствованию.

Древне-русское искусство было всецело в неграмотных народных руках, которые создали столь высокие образцы художественного творчества, что последние фиксировали на себе внимание Запада и Америки, представители которых с неустанной настойчивостью скупают эти высокие образцы и украшают ими свои музеи.

Русский народ на своем скорбном жизненном пути был велик не только своими страданиями, но и своим творчеством в области искусства.

Древне-русское искусство ценно для нас и потому, что оно в ярких образах выявляет нам длинный цикл эмоционального развития русского человека, оно является живым свидетелем этапов этого скорбного развития, оно беспристрастно говорит нам и о том, какой высоты достиг народ, идя в своем развитии эмоциональным путем, отыскивая дорогу к правде и истине.

Нельзя сказать, чтобы поиски народа в этом направлении оказались тщетными. Народ несет в своем сознании крупницы истины, являющиеся результатом его эмоционального совершенствования. На этом пути он выявил свою общественную солидарность, покоящуюся на аксиоме: „не делай другому того, чего себе не жалаешь“.

Конечно, приведенная выше истина не овладела в полной мере сознанием русского народа, не выявлялась во всех делах его и поступках, ибо эгоистическая основа, присущая человеческой личности, всегда превалирует в его стремлениях, а потому путь эмоционального совершенствования в толще русской жизни не достиг намеченного идеала, не овладел вполне

вложенным в него значением и неотразил его полной высоты в трудной и скорбной жизни русского человека. Но все же эта истина, оказывала свое действенное, облагораживающее влияние как на индивидуальную, так и на общественную русскую жизнь.

Сердечная скорбь, грустные и тоскливые эмоции расцвечивали темными красками на протяжении целых веков трудовую жизнь русского населения.

Эта скорбь, эта безысходная тоска, конца которой не предвиделось, наложила свой мрачный, скорбный отпечаток не только на всю русскую жизнь, но и на древнерусское искусство, образцы которого выполнены на определенную тему: искания правды и истины.

Если правда и истина не нашли приложения в русской жизни в полной мере, то они создали прочный фундамент в народном сознании и требовали отреагирования путем завоевания правды и истины, если не в действительной жизни, то хотя бы в области художественного творчества; в последнем выражение скорби, горя и слез нашли свое отражение, поэтому древне-русское искусство является живым и ярким свидетелем тяжких переживаний прошлого русского народа.

Путем изучения древне-русского искусства можно точно установить скорбную, полную отчаяния жизнь русского трудового народа.

В художественном отреагировании находил русский человек свою маленькую радость, глядя на величавую форму и цветистую гамму своих произведений, он оживал и становился интересным эмоциональным мыслителем.

Долгая зима хлопьями снега и узорчатыми кристаллами мелких льдинок украшала окна бедной хижины, поглощая и без того слабые лучи света.

Долгие сумерки, с горящей в светце лучиной, клали многие тени на бревенчатые стены избы, вместе с мерцанием слабого огня колебались тени, оживляя убогое жилище.

Нужда и полуголодное существование создавали особое настроение, желавшее извлечь человеческую личность из неприглядной, опостылевшей действительности.

В горе, отчаянии и слезах становился русский человек у красного угла своей избы, где, мерцая, горела слабым, еле уловимым светом лампада, позади которой помещались изображения, созданные творческой мощью русского народа, и к этим изображениям, как к живым всемогущим

существам обращался истерзанный нуждою русский человек с просьбами и мольбами об улучшении его участи. Со слезами умиления рассказывал он своим немым слушателям о том, как тяжка, как скорбна и горестна его жизнь, рассказывал он им о своих хозяйственных нуждах, о будущих планах, о семейных радостях и горях, просил их безмолвно-величавых о защите не только для себя, но и для своей семьи, для домашнего скота, для вырастающих злаков, трав и т. д., просил покровительства и заступничества для своего потомства и престарелых, живущих на его иждивении, родителей.

В своих горячих, вдохновенных прошениях вспоминал он родных и знакомых, ушедших из жизни, но близких его сердцу людях.

Образцы древне-русского искусства

Спас. Бесстрастно, спокойно и величаво смотрели на обездоленного и загнанного русского человека из красного угла свидетели и безмолвные слушатели, с которыми он приходил в ежедневное духовное общение. Но вот блики света неправильными пятнами ложатся на

изображения и беспокойно передвигаются по художественным изображениям фигур и создают в этих фигурах иллюзию жизни.

Оживают черты лица, нанесенные искусной кистью творческого народного гения; скорбно и сострадательно смотрят неживые глаза этих изображений, немые уста их как бы открываются и произносят слова полные мира и любви.

Это настроение создано горем и высоким древне-русским искусством, явившимся как результат вековых, тяжких переживаний русского народа.

Разговаривает русский человек с тем, кто в жизни не имел места, где мог бы приклонить свою главу, к нему в полной мере приложимо изречение греческого мудреца Биаса: „*Omnia mea mecum porto*“.
(См. стр. 115).

Рождество. Тайна жизни беспокоит творческую мысль и требует ответа на этот вопрос от неискушенного в науках народного сознания. Тайна каждой былинки, куста, цветка создает образные переживания в человеческом сознании. Еще большая тайна покрывает совершенствование и возрастную изменчивость человеческого индивида. Переживания зачатия, рождения и дальнейшего роста несут с собой и предстоящие горестные пере-

живания, и радость бытия, и мысль о бессмертии, реализующейся в потомстве. И скорбь, и радость переплетаются в народных хораловых напевах и создают возможность эмоционального утешения.

В яслях лежит беспомощный младенец, возле него сидит скорбная мать.. Не в богатстве и роскоши предназначено жить новорожденному ребенку, в лишениях и муках пройдет его жизненный путь. Перед этим изображением стоит вечером, после тяжелого дневного труда, русский человек и думает свою полную глубокого смысла думу. И видит он, в изображенных фигурах, близких его сердцу людей, и разговаривает с ними, как с понимающими его лицами, принимающими участие в его скорбных переживаниях.

Родился младенец и уготован для него тот-же полный лишения жизненный путь, каким жил и русский человек. Этот младенец с его скорбной матерью, передается из потомства в потомство и несет на себе отпечатки эмоциональных переживаний поколений определенной фамилии. (См. стр. 117).

**Надгробный
плачь**

Престарелые бабушки, дедушки, иногда юноши и младенцы уходят из жизни, оставляя скорбную тайну в сердцах близких

лиц. Тайна смерти своим острым резцом накладывает блики неизгладимой печали и неизживного горя на чело человеческого. Непобедимая жуть проникает в сердца близких, создавая уныние как во внутренних переживаниях, так и на внешности человека. Загадка смерти заставляет дрожать человеческое сердце и омрачает его сознание независимо от того, к какому классу принадлежит данное лицо.

Непримиримость с актом смерти действительна для всех времен и для всех народов. Смерть повергает в отчаяние всякого человека, независимо от его общественного положения. Мысль человеческая и его чувства не мирятся с небытием и бессильно, и безрезультатно протестуют против него. Смерть непобедима, а потому она горестна и источает из глаз человеческих большее количество слез, чем какое-либо иное горе. И к этой тайне обращается человек, и у этого изображения ищет он утешения, в нем черпает силы для принесения дальнейших жертв. (См. стр. 119).

**Похороны
Владимир³.**

Жутка смерть, и не может мириться с нею жизнь, последняя создает при помощи своей творческой фантазии многие мифические предания, выливающиеся затем в художественные формы. Тяжко думать человеку,

что он бесследно уходит из жизни, не мирится он с тем, что его личность может прекратить свое дальнейшее существование. Образная легенда приходит ему на помощь и создает успокоение в его мятущейся скорбной душе. И думает человек, что после тяжких земных страданий, оживет он вновь и будет создавать новую жизнь, украшенную правдой, овладевающую истиной. Древний рус сжигал своих покойников на костре, помещая тело умершего в украшенную лодку. Историческое прошлое накладывает свои неизгладимые черты и на дальнейшее существование человека, последний может видоизменять обряд, заменяя в последнем средства, при помощи которых обряд реализуется, но смысл последнего все же остается в своей полной неприкосновенности.

Умер Владимир и его тело укладывается в сани и хоронится с последними. И мыслит человек, что на этих санях, как в зыбкой ладье переселится умерший в другие обители и будет там жить праведной жизнью, в которую не войдет ни соблазн, ни преступление. (См. стр. 121).

Георгий Много горя переживает и много слез льет человек не только от обид, причиняемых ему своими соотечественниками, но есть у него враги внеш-

ние, разоряющие его жилище, отнимающие его достаток, уводящие в плен его близких...

Стойко борется человек против врагов своих, отстаивая свою самостоятельность и самобытность. Много есть героев, ушедших из жизни, про которых сложил народ красочные, полные захватывающего ритма, легенды. Зафиксировал он этих героев на небольших дощечках, украсил их рыцарскими доспехами, снабдил их сказочным оружием и силою, усадил их на белых коней и мнит их, как своих прошлых, так и настоящих заступников, разговаривает с ними живым, образным языком, вверяя им свои желания и помыслы. И передает народ неграмотный из уст в уста яркие, красочные сказания о своих защитниках-богатырях, и указывает подрастающему потомству на их изображения... и хранят потомки красочные сказания и их художественные образы, сживаются с ними и чтут их. (См. стр. 123).

Артемий. Не только сказочных героев чтит русский человек. В его красном углу помещаются художественные произведения, изображающие трудящийся народ, героев труда обычного, рядового, повседневного. Вот, например, юноша обрабатывает землю, на ниве труда убивает его молния, но он оживает в народной творче-

ской фантазии, и она создает из него образы полные красоты, изящества и эмоциональной радости... Это свое, близкое, родное и оно должно найти место в красном углу трудового жилища, и с ним, как с близким существом, будет вступать в лирическую беседу трудовой народ в период своего отдыха. (См. стр. 125).

Симеон. На картинах, находящих место в красном углу, изображает русский человек те типичные особенности, которые присущи его внешнему облику. В допетровский период борода мужчины считалась священным украшением, а потому посягательство на нее со стороны Петра и сопровождалось весьма стойкими и энергичными протестами. Изображая своих немых собеседников, русский человек придает их облику неизбежное сходство с типом ему близким и родным, при этом он пользуется изгибами линий, оживляющих лицо при слабо мерцающем свете лампы. С этими своими и близкими людьми разговаривает он усталый, измученный и истощенный непосильной работой в часы, отведенные ему для отдыха. (См. стр. 127).

Христофор. Красота, присущая человеческой внешности, причиняет не только радости, но и скорби, являющиеся

последствием излишеств, связанных с красотой внешнего облика. Это явление давно заметил русский человек и запечатлел его в своих художественных произведениях, создав мифическую фигуру Христофора, боровшегося с красотой своей внешности, предпочитавшего ей облик пса, освободивший его от искушений, связанных с красивой внешностью. (См. стр. 129).

Троица. Есть потребность у всякого человека делиться своими внутренними переживаниями с лицами, входящими в круг его эмоциональных симпатий.

Время от времени собирает человек в своем жилище лиц, отзывающихся на его горе и радости.

Кормит он их обильными яствами, поит их хмельными напитками, под влиянием которых развязываются человеческие языки, оживляется фантазия, человек отрывается от окружающей действительности и вступает в мир мифа и сказки, перерождающих настроение и скрывающих повседневную, полную отчаяния, скупую на радости действительность. Приятные переживания редко посещают сердце трудового народа, а потому воспоминание о них ищет человек и создает художественные образы, могущие способствовать проявлению данных переживаний, и эти красочные, художе-

ственные образы, находят свое место в его красном углу. (См. стр. 131).

Пир царя Ирода. Предыдущий рисунок изображает народных гостей, несущих с собой мир и радость, необходимые для эмоционального отреагирования. Но вот, как народ с давних пор думает о пирах царских, на которых разыгрываются недостойные страсти, реализуются пороки и убийства. Хмельной царь Ирод, убивший своего родного брата и овладевший его царством и женою, прельщается танцем Соломеи — своей падчерицы и в угоду ей умерщвляет народного героя.

Так характеризует народ свое эмоциональное развитие, свои подвиги, свою жизнь полную лишений и страданий и иначе он изображает жизнь привилегированных классов, полную низших соблазнов и гнусных преступлений. (См. стр. 133).

Соломея с главой Иоанна. Другим образом такого заведения русского крестьянина своим наследникам может служить Соломея с главой Иоанна.

Необузданные страсти владеют человеком в то время, когда он облечен властью; в это время его порочным действиям нет конца, ибо он считает себя в праве не только наказывать, но и лишать жизни себе подобного.

Во все времена, у всех народов раздавался слабый или громкий голос против вкоренившегося в человеческую жизнь тягчайшего порока и ничем неоправдываемого преступления.

Русский крестьянин больше чем кто-либо страдал от такого воздействия правителей, а потому он из поколения в поколение передавал свое возмущение и отвращение к данному преступлению власти. Но что мог сделать бесправный и безоружный крестьянин, в удел которого входило терпение и страдание? Тем не менее он надеялся на лучшее будущее и завещал своему потомству реликвии, всегда напоминающие обездоленному народу о том, что он должен изыскать действительные средства для борьбы с величайшим злом.

На то, что предыдущие изображения относятся к русской действительности, указывают национальные русские костюмы, в которые одеты действующие лица. (См. стр. 135).

Флор
и Лавр. В дружбе живет крестьянин с окружающими его домашними животными, болеет он их болезнями и радуется, когда его животные здоровы, так как они принимают активное участие в его домашней и полевой работе, они питают его семью и дают материал для выработки непрехотливого народного ко-

стюм. В благополучии своих животных крепко заинтересован крестьянин, а потому его творческая фантазия создает образ мифических покровителей его стада и его пастбищ. (См. стр. 137).

Г Л А В А V

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАСШИ- ФРОВКА ДРЕВНЕ - РУССКОГО ИСКУССТВА

Слово для грамотного. Как мы, изучая древне-русское искусство, должны подходить к его психологической расшифровке и выявлению его ценности для народа?

В то время, когда создавались художественные образцы древне-русского искусства, народ был почти поголовно неграмотный. Человеку, ежедневно вступающему в общение с книгой, чужды понятия и представления неграмотного человека. Книга является самым верным другом грамотного. С ее содержанием, с ее, часто неизвестным в лицо, автором вступает грамотный человек в прочное, интимное психологическое общение, в ней он находит отзвуки и ответы на свои переживания, из нее он черпает познания, обогащающие его своими сведениями в различных отраслях чело-

веческого знания, в ней он находит ответы на поставленные самим им, но неразрешенные вопросы. Книга спасает человека от его мрачных мыслей, она вселяет в него новые силы для борьбы с тяжкими переживаниями, она объединяет его с неизмеримым числом читателей, мыслящих, примерно, в том же направлении, как и он сам.

Это единение создает радость бытия и скрашивает повседневную, пошлую, тупую действительность с ее мелкими и крупными неприятностями, в которую чахлыми цветами вкрапливаются редкие моменты радости.

Книга для грамотного есть верное лечебное средство от всего неприглядного, чем наполнена человеческая жизнь.

Если книга, сама по себе являющаяся неодушевленным предметом, вступает в многообразное общение с человеком, если она вызывает приятные аккорды в его многострунной сущности, если она создает ритм величественного гимна в его сознании, если она скрашивает его повседневную действительность, если она действенным, красочным языком разговаривает с ним как верный друг, то как нужно оценивать высоту и необходимость этого мертвого, но вместе с тем и бессмертного живого друга.

Книга в принципе живет неизмеримо долгое время, облегчая грядущему потомству быстрое знакомство с идеями, над разрешением которых работали предыдущие поколения. Благодаря книге мы не изучаем все сначала, так как прошлым мы овладеем скоро и затем направляем всю свою творческую энергию на завоевание новых научных, общественных, технических и др. богатств.

В действительной жизни мы наблюдаем, обычно, такое явление, что вышедшая книга распродана, она растворилась среди потребителя, через некоторое время большое количество ее уничтожается, амортизируется; наступает момент, когда оставшимся экземпляром книги начинают дорожить, ее выдают лишь специалисту и то только для пользования в читальном зале. Наконец, наступает момент, когда книга становится редкостью, тогда она переходит в разряд музейных экспонатов и пользуется полной неприкосновенностью.

Книга получила возможность быть безконечно размноженной, тем не менее многие издания перешли в разряд музейных редкостей. Мы смотрим на них и считаем данное явление совершенно правильным. Никому из нас не приходит в голову мысль

о том, что бы взять все эти редкости и уничтожить. Если бы такая мысль у кого-нибудь появилась, то мы сказали бы, что такого человека нужно лечить, что он мыслит ненормально, он не нашел бы последователей для реализации своих идей. От ненормально мыслящих людей, способных уничтожать духовные ценности, добытые человеческим гением, мы ограждаем себя путем создания специальных зданий и их охраны. Эти учреждения содержатся за счет государственных средств, как культурное достояние народа.

Идут века, совершенствуется человеческое развитие, и этапы его хранятся в библиотеках-музеях, вещая миру о том, что в глубокой, седой старине сделали для жизни и ее развития наши предки. В этих документах хранится наше наследство, полученное нами от наших отцов, запечатлевших на страницах книги "дела давно минувших дней", говорящие и о счастье, и о страдании народа. Все мы с благоговейным смирением вступаем в общение с ними.

Ошибочно думал бы человек, если бы он полагал, что существует только один язык, запечатлевающий свои слова при помощи печатного станка на мертвые бумажные листы.

Краски и формы для неграмотного. Язык красочной гаммы, реагирующий художественные образы, является не менее действенным и отвечающим человеческим

потребностям и вкусам началом. Разница лишь в том, что разговорный язык получил возможность распространяться в неизмеримо большом количестве экземпляров, не теряя своей действенной силы и приводя в активное состояние все сферы психики. Язык же красок не получил такой возможности, он сохраняет свое действенное влияние лишь на оригинале и возбуждает главным образом сферу эмоций, понуждая человеческую личность к творчеству.

Если язык красочного, художественного образа действует главным образом на эмоции и активизирует их, понуждая человека к творчеству, то данный язык, как нельзя лучше отвечал эмоциональному развитию русского народа.

Русский неграмотный народ культивировал свой язык и создал в нем величайшие образцы художественного творчества.

Если книга является другом грамотного, то красочный язык и его образы являются неизменным другом неграмотного народа.

В художественных образцах своего творчества находил народ ответы на свои запросы и переживания. В общении с этими

образцами развивалась и крепла личность русского человека, в общении с ними кристаллизовалось его творческое эмоциональное мирозерцание, на этих образцах учился он различать добро от зла, на этих образцах развивались и совершенствовались его эмоции, переходя от злобы, зависти, ненависти и мести к любви и жертвенному служению.

Как книги отвечают на разные вопросы жизни, как они учат человека выходить из того или иного тяжкого положения, так и художественные произведения совершенствуют человеческую личность и отвечают ей на многие вопросы, подлежащие расшифровке.

Если нужно затратить значительное количество времени и сил на обучение чтению книги, то так же необходима затрата времени и сил, может быть еще большая, чем для овладения книгою, для умения понимать творческий процесс языка красок.

Если нужна большая затрата силы и времени для приобретения навыков, реализующих творчество живого слова, то нужна не меньшая затрата энергии и времени для создания творца в области красочного ритма и художественного образа.

Если мы дорожим высокими произведениями живого слова, то мы, несомненно, обязаны сугубо дорожить образцами художественного творчества, так как они понятны и неграмотному и малограмотному народу.

Язык живого слова получил возможность распространяться через печатный станок в неизмеримо большом количестве, не теряя своей действенной силы, ибо мы одинаково хорошо понимаем смысл как произносимого, так и печатного слова. Сколько-бы людей ни слушало слово, сколько-бы людей ни читало данное печатное произведение, все они совершенно одинаково понимают содержание как слышанного, так и прочитанного.

Такого свойства не завоевал язык красок.

Краски концентрируют свою действенную мощь только на оригинале, репродукции лишаются этого качества. Кроме того, красочные произведения не всеми одинаково понимаются и оцениваются: человек может стоять на очень высоком уровне интеллектуального развития, тем не менее он может совершенно не понимать языка красок. Данное явление происходит потому, что язык красок тесно увязывается со сферой эмоций, а не со сфе-

рою интеллекта. Язык красок имеет и другие особенности, отличающие его от живого слова. Смотри на художественное произведение, зритель не ограничивается одним лишь восприятием, он неизбежно переходит к творчеству. Художественное произведение в красках оживляет творческие силы зрителя, и последний в меру своих способностей творчески переживает воспринятое.

Данное явление оказывает весьма благотворное влияние на организм человека.

Мы глубоко убеждены в том, что при отсутствии творчества человеческий организм очень быстро изнашивается. Человечество инстинктивно угадывает это свойство художественных произведений, а потому и относится к ним весьма бережно.

Из сказанного вытекает следующее последствие: красочное художественное произведение воспринимается и оценивается не одинаково всеми. Каждое, воспринимающее художественное произведение, лицо видит в нем не только то, что изображено на картине, но привносит и нечто свое, личное.

Красочное художественное произведение не должно вступать в конфликт с народным восприятием, если оно претендует на народное признание.

Народ наш шел по пути эмоционального развития, а потому и древне-русское искусство является типичным эмоциональным творчеством. В силу сложившихся обстоятельств это искусство не создается больше, и те образцы его, которыми мы владеем в настоящее время, останутся в нашем распоряжении без возможности на повторение и размножение, а потому мы и дорожим ими, так как только по ним мы можем изучать народную психологию, ибо древне-русское искусство является в полной мере искусством народным.

Язык красок является народным языком. По языку красок мы так же, как и по словесному языку можем освещать этапы развития народа и безошибочно оценивать их, срывая покрывало с украшенного сиди-нами исторического прошлого.

Древне-русское искусство создавалось самим народом, ибо высшие классы тогдашнего общества не принимали никакого участия в художественном творчестве, их увлекали другие, более жизненные заботы.

Народ культивировал свой красочный язык, воплощающийся в художественные образы; и в эти краски, и в эти образы вносил он свою народную мудрость, оставшуюся нам в наследство, и на нас лежит

долг приступить не только к выявлению и хранению этого красочного языка прошлого нашего народа, но мы должны подойти и к его изучению, и пониманию, чтобы, руководствуясь этими красочными, художественными страницами, заглянуть в то прошлое, которым жил русский народ и творил свою бессмертную историю.

Эти образцы научат нас близко подойти к пониманию психологии русского народа, что в свою очередь создает действенные условия, благодаря которым рушится стена, отделяющая русского интеллигента от своего народа.

Мы, живущие интеллектуальной жизнью, далеко ушли от путей эмоционального развития и перестали понимать и оценивать мощностъ и действенность эмоционального развития. Мы все оцениваем с точки зрения нашего разума и его потребностей и не желаем понять того, что властно диктуют эмоции.

Если человеку, идущему путем интеллектуального развития, не нужны и излишни методы эмоционального отреагирования, то народу, находящемуся во власти эмоций, эти отреагирования совершенно необходимы, и народ без них обходиться не может. Вот почему быт интеллигента и быт народа не похожи один на другой. Вот

почему изучение современного фольклора не двигает ни на йоту понимание вопросов, связанных с народной психологией.

Мало изучать образцы песен, сказок, обрядов и украшений, нужно расшифровать психологические потребности, свойственные историко-психологическому развитию данного народа.

Если мы не поймем разницы в путях эмоционального и интеллектуального развития, то народ со своими психическими переживаниями еще долгое время будет стоять перед нами в образе неразгаданного сфинкса.

Для понимания психологии русского народа необходимо изучить его художественный красочный язык (древне-русское искусство) и при помощи его проникнуть в глубину внутреннего содержания русского народа, тогда народная психика вскроется для изучающего ее, тогда русская интеллигенция, ушедшая от народного быта и творчества, поймет потребности и особенности народных психических переживаний, тогда настанет взаимное понимание, тогда вскроются ценности того и другого мышления.

Вышеприведенные соображения являются одной из причин, благодаря которой мы ценим древне-русское искусство, охраняем

его, раставлируем и придаем ему подлинный исторический вид. Мы ценим древнерусское искусство и потому, что его образцы влекут к себе алчные взгляды скопивших в своих руках золото, но мы обязаны охранять народное достояние, так как оно завоевало всеобщее внимание и несомненно займет одно из первых мест в мировом искусстве.

Пройдут века, а древне-русское искусство будет служить неиссякаемым источником вдохновения для лиц, работающих в области искусства, оно займет видное место в истории культуры народов.

Его высокие образцы не раз будут служить побудителями для комбинирования художественных форм и создания нового течения в области искусства.

В древне-русском искусстве проявился народный гений, который почти не оставил имен, но безымянные образцы художественного творчества не утратили своей действительной силы, они светят миру своими красками, своими формами, музыкальностью своего художественного ритма

Прошли два с половиной века с тех пор, как древне-русское искусство перестало совершенствоваться и создавать новые образцы своего творчества, но оно, несмотря на то, что находилось в полном

загоне, после революции вышло на свет и удивило искусствоведов своей красотой, изяществом и действенностью. Искусствовед пытливым зраком с удивлением глядит на гениальное творчество народа и удивляется тому, что неграмотный русский народ вложил в сокровищницу мирового искусства великие дары народной интуиции.

Страдал, мучился и лил слезы русский народ, поливал потом и кровью барские поля, и в скорби своей находил одно лишь утешение, одно отреагирование, создавшее новое, большое искусство, в котором воплотилась вся скорбь, все отчаяние, присущее многотрудной жазни и тернистому пути русского народа.

Горе и слезы создали великое древнерусское искусство, являющееся высоким, ярким и мощным языком для неграмотного народа, красками рассказывавшего о своем скорбном, тернистом жизненном пути. Изучить этот путь по подлинным народным художественным произведениям является не только нашей потребностью, но и нашим долгом.

ГЛАВА VI

ИСКУССТВО III ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ РУССКОГО НАРОДА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ

Петровские реформы. Возвращаясь к этапам исторического развития русского народа, мы должны напомнить о том, что первый период развития имел характер расплавления низших эгоистических эмоций и что этот период почти не оставил после себя художественных произведений.

Второй период, относящийся к эпохе принятия христианства и его развитию, оставил великие образцы художественного творчества, имеющие в настоящее время мировое значение.

Это высокое художественное творчество не получило широкого распространения среди других народов лишь пото-

му, что русские люди вели слишком замкнутый образ жизни, а поэтому искусствоведы других стран не приходили в соприкосновение с древне-русским искусством. В то же время, когда русский народ начал вступать в более широкое общение с Западом, древне-русское искусство начало переживать глубокий кризис вследствие тех запретов, которые исходили от тогдашнего правителя (Петра I-го).

После запрещения русским людям развивать свое искусство, последнее стало быстро умирать, уступая место подражанию западным образцам. В области подражания мы не достигли больших высот, но безвозвратно утратили творческую мощь, присущую русскому гению.

Всякий творец создает высокие духовные ценности лишь в том плане, который доступен его внутренней организации, часто являясь совершенно беспомощным в решении более простых вопросов, вступающих в конфликт с его психо-физической природой.

Что произошло с древне-русским искусством и почему оно перестало развиваться?

Вот вопросы, к разрешению которых мы и переходим.

Петр I, побывав за границей, вернулся в Россию с новыми взглядами, с новыми потребностями, с новыми устремлениями.

Жизнь Запада оказала на великого преобразователя России гипнотическое влияние и приобщила его к другой, чуждой русскому народу, культуре.

Запад имеет свои исторические этапы развития, совершенно не схожие с развитием русского народа.

Запад уклонился с пути эмоционального развития, не закончив этого развития в полной мере. Запад во всех его классах перешел в сферу интеллектуального развития, и потому, что этот переход явился приемлемым для всего народа, Запад не переживал болезненно эти перемены перехода со стези эмоционального на путь интеллектуального развития.

Петр, побывав за границей несколько раз, усвоил интеллектуальное развитие лучше, чем родной путь эмоций.

Петр явился одним из деятельных проводников, толкающих русский народ на новую стезю развития.

Петр Первый свой переход обусловил слишком грубыми приемами, чем и вызвал внутренний протест у русского народа.

Необходимо отметить, что на путь интеллектуального развития среди правителей русского государства впервые стал не Петр Первый, а Борис Годунов, поэтому для будущего русского правительства уже был намечен путь новых преобразований, последние получили более решительный натиск в петровское время.

Петр Первый, будучи за границей, научился там не только строить корабли, но он ознакомился и с искусством Запада. Вернувшись на родину, он приступил не только к созданию нового флота, но и к реформам в области искусства и быта.

Искусство и быт в глубокой мере овладевают народными потребностями, а потому реформы в этих областях встречают наибольшее сопротивление.

Искусство и быт являются самыми распространенными формами внутреннего отреагирования, а потому если изменяются условия существования быта и искусства и заменяются новыми формами, и если последние вступают в конфликт с народными потребностями, то новые формы создают болезненный уклон в народных переживаниях, а потому и отвергаются народом.

Петр Первый приказал в России рисовать так, как рисуют в Голландии.

Русские покорились власти, но эта покорность была бессильна переродить духовные потребности русского народа. Выполняя волю правителя, народ перестал быть творцом в области искусства, так как западные образцы не вдохновляли его и вступали в конфликт с народным восприятием.

В этот период времени стала нарождаться русская интеллигенция, которая безболезненно впитывала в себя новые западные веяния, создавшие материальные выгоды и облегчавшие завоевание более высокого положения в государстве.

Эти первые ителигенты обратили свое внимание и на западное искусство и стали работать в направлении его реализации на русской земле. Таким образом искусство Запада, не найдя отзвука в потребностях русского народа, нашло этот отзвук в рядах нарождающейся интеллигенции и в рядах высших классов.

Итак, искусство из народных рук перешло в руки интеллигенции и последняя стала господствовать в этой области безраздельно, русский же народ продолжал совершать цикл эмоционального развития, не интересуясь новым интеллектуальным творчеством в области русского искусства.

Интеллектуальное искусство стало завоевывать сбыт не среди народных масс, а среди привилегированных классов; таким образом новое русское искусство совершенно оторвалось от народа, как не отвечающее его потребностям.

Русский народ замкнулся в своих обычаях, так как он волею своего правителя был лишен своего красочного языка и для него настали дни более узкого общения, убивающего его творческий гений и направляющего его дальнейшее развитие в более скудные формы.

С этой поры русский народ провел демаркационную линию, отделяющую народные массы, продолжающие путь эмоционального развития, от интеллегеиции, перешедшей на путь интеллектуального развития, приняв образцы Запада за идеальные вехи для своего совершенствования.

Росла и множилась русская интеллигенция, ибо государство пред'являло спрос на ее работу.

Под влиянием нового течения строились школы, создавшие новые кадры интеллигентных работников. Эти работники развивали словесный язык, как наиболее подходящее орудие интеллектуальной проекции, язык же красочной гаммы, как результат эмоциональной активности, ото-

шел на второй план и влачит свое жалкое существование до наших дней.

Таким образом древне-русское искусство стало умирать и перестало быть звеном, об'единяющим всю нацию безразличия пола, возраста и состояния в одно целое.

Разобщенность русского народа на класс интеллигенции и народные массы создала пропасть взаимного непонимания, которое ширилось и росло и, докатившись до наших дней, вылилось в условия полной духовной отчужденности между народными массами и интеллигенцией.

Интеллигент перешел в ряды привилегированного класса с иными потребностями жизни, с иным мирозерцанием, с иным устремлением, чем стремления, взгляды и идеалы, владеющие эмоционально настроенным народом.

Последствия Бурным натиском на русскую петровских жизнь обрушились петровские реформ. реформы и проводились они в жизнь тяжелой рукой правителя.

Правитель был умен, тверд, силен и жесток. Его решительные приемы были приемлемы для нарождающейся интеллигенции, помогавшей преобразователю в проведении реформ в русскую жизнь, но не для народа, не видевшего для себя ценности в данных реформах.

Если реформы соответствуют народным потребностям, то они безболезненно входят в жизнь, но если они вступают в конфликт с народной жизнью, то они встречают неизбежное сопротивление.

Русский народ на путях своего исторического развития усвоил прочные навыки в области пассивного сопротивления: часто бывает так, что русский народ внешне соглашается с реформами, но на самом деле внутренне их не приемлет.

Щедрин, глубоко знавший психологию русского народа, ясно и четко выявил эту черту, свойственную коллективному выступлению русских народных масс, в описании города Глупова и характеристике глуповцев, стоявших на коленях без шапок перед правителем города. Не зависимо от кажущейся покорности, правитель города верно воспринимал поведение глуповцев, стоявших на коленях, но в тоже время, по его мнению, бунтовавших, так как он верно улавливал их внутренний протест, который является более стойким орудием борьбы, чем протест активный, легко подавляемый силою, внутренний же протест такому воздействию не поддается.

Пассивное сопротивление русского народа может выражаться и активными ме-

роприятиями, но последние надо относить тоже к пассивным, так, напр., старообрядцы, не желавшие поступиться своими обрядами и верованиями, уходили в дремучие леса, где устраивали свои скиты и вели жизнь в прежних эмоционально-обрядовых формах. Когда-же правительственные войска делали на них набег, то старообрядцы, не задумываясь, сжигали себя на кострах по собственному побуждению.

Нужно ли отыскивать оправдание или обвинение тому обстоятельству, что народ с эмоциональным развитием не мог сразу перейти на рельсы интеллектуального развития?

Народу близко то, с чем он сжился, что без труда входит в его представления и уживается с ними, что согласуется с его требованиями, что освещено потомственным страданием, что передавалось из поколения в поколение, как живая изустаная правда и истина. Трудно отказаться от привычных наследственных потребностей, трудно менять их даже и тогда, когда они находятся в одном плане эмоционального развития.

Насколько же труднее переход с пути эмоционального развития на путь овладения развитием интеллектуальным?

В эмоциях все близко, все понятно; в интеллекте все чуждо, все холодно, все до жуткости неприемлемо.

Народные массы понимали свой красочный язык и принимали участие в его совершенствовании; язык же слова, мощно развитый русской интеллигенцией, был чужд и не понятен массам в той мере, при помощи которой он мог бы служить средством внутреннего отреагирования. Поэтому петровскими реформами народ был сбит с своих эмоциональных позиций, от него отняли его красочный язык, которым он говорил от полноты сердца, новый же книжный язык был малопонятен народу и свидетельствовал о скудности его интеллектуального развития. Скудность ума проистекала от того, что интеллектуальное развитие только что было перенесено на русскую почву и здесь оно влачило чахлое существование, нередко выливаясь в уродливые формы на пути своего совершенствования, и до сих пор интеллектуальные формулы еще не выкристаллизовались в четкие для народа понятия, а потому интеллектуальные ценности не давали для народа твердой опоры на пути жизненного совершенствования.

Интеллигенция, принявшая петровскую реформу и проводившая ее в жизнь по

мере своих сил, была лишена возможности внедрить интеллектуальные ценности в толщу народной жизни, так как обширное государство с многомиллионным населением требовало больших материальных затрат для внедрения в русскую жизнь нормального интеллектуального развития.

Народ по прежнему оставался неграмотным, печатное слово было недоступно ему, а без последнего путь интеллектуального развития был закрыт для народа, а потому народ ничего не приобрел полезного от реформ Петра, наоборот, народ утерял многое, так как он из творца в области древне-русского искусства превратился в немое стадо, в удел которому был дан непосильный труд, водка и грубая, полная лишений жизнь.

Народное невежество впоследствии осознавалось и оценивалось правительством, как полезный фактор, так как при помощи его, легче было паразитировать на народном труде.

После петровских реформ, народные массы значительно медленнее совершенствовались и в эмоциональном направлении, интеллектуальное же совершенствование было доступно лишь избранным, так как об интеллектуальном развитии народных масс никто не заботился.

Умерло древне-русское искусство, и вместо него стали появляться новые образцы, питавшиеся источниками Запада.

В виду того, что этим искусством занималась нарождающаяся интеллигенция, побывавшая сама за границей или вступавшая в общение с иностранной литературой, в образцы нового русского искусства вошли приемы, господствовавшего в то время, слащавого романтизма, чуждого русской жизни и русским привычкам.

Эту романтическую пошлость вводили новые художники в пределы своего творчества. Их кисть изображала сюжеты на определенные темы, совершенно не отвечавшие заданию, вот, напр., художник XVIII в. дает изображение Алексея—человека божьего. Смотри на этот рисунок, думается, что вложить большую пошлость в художественное изображение уже не представляется возможным.

Возникает вопрос: о чем думал художник, создавая данное произведение?

Нам кажется, что он ни о чем не думал, он лишь портил краски и другой материал. (См. стр. 139).

Вот другой пример не менее достойный внимания. На картине, **Варвара мученица.** долженствующей изображать мученицу Варвару, нарисована светская дама того времени в соответствующем костюме и украшениях, вышедшая из своего будуара и только что закончившая свой туалет, пригодный для срывания цветов греха, но совершенно чуждый высокому аскетизму. (См. стр. 141).

Заключение. Кому непонятны пошлость и неприемлимость приведенных образцов нового искусства особенно после того, когда люди знали высокие произведения древне — русского искусства, поэтому становится понятным и то обстоятельство, что русские народные массы не восприняли нового русского искусства, совершенно не ценили его, так как оно не отвечало народным запросам и вступало в конфликт с его восприятием. Оно и понятно, так как это искусство могло служить лишь забавою для барина, не понимавшего ценности прежнего древне-русского искусства и легко перешедшего на потребление образцов искусства нового. И это понятно, так как барин являлся лицом легко внушаемым, он приспособлял свои вкусы к моде, господствовавшей во дворцах и особняках высших классов. В угаре светских развле-

чений барину некогда было глубоко задумываться над какой-либо отраслью общественной или государственной жизни: он дилетант во всем, для него народная мудрость, „семь раз отмерь, один раз отрежь“, не имеет никакой ценности. Его жизнь полна развлечений и ярких переживаний, лишаящих его глубокой сосредоточенной продуманности, как в повседневной работе, так и в творчестве.

Народ же веками воспитан в недоверии ко всякому новшеству, особенно если последнее не заслуживает серьезного внимания, поэтому народ не так легко растается со своими духовными ценностями.

Народ, создавая свои высокие ценности и воплощая их в образцы древне-русского искусства, выдвинул многих гениев, оставивших потомству свои произведения. Нередко эти произведения не имеют подписи автора. Гений дал то, что он мог и, будучи скромным от природы, не желал связывать своих произведений со своим именем.

Народ на пути своего эволюционно-эмоционального совершенствования выдвинул величайшего гения, бывшего народным заступником, патриарха Никона, старавшегося подчинить светскую власть духовной

в целях мирного изменения социальных взаимоотношений, клонящихся к облегчению народной участи.

Когда Россия стала на путь интеллектуального развития и когда это развитие потребовало народного осознания, народ вновь выдвинул из своих масс гения — Ломоносова. Ломоносов был приспособлен правительством к реализации своих целей и тем самым искусственно был изолирован от народа, благодаря чему он и потерял действительную связь с теми массами, которые выдвинули его для овладения интеллектуальными ценностями и для внедрения последних в обиход народной жизни. Но к сожалению этого не случилось, и народ продолжал жить своей эмоциональной жизнью, уходя все дальше и дальше от интеллигенции.

Древне-русское искусство обслуживало обрядово-культовые интересы, но это не смущает нас, ибо мы не можем росчерком пера уничтожить правдивые страницы истории. Нам нет надобности рассматривать древне-русское искусство с точки зрения его бывшего культового значения, мы рассматриваем его независимо от сюжета, как величайшее художественное творчество, долженствующее занять одно из первых мест среди мирового творчества

Мы не думаем, что русский народ, создавший исключительное искусство, потеряет навсегда образцы последнего. Мы только опасаемся за то, что более интеллектуально развитые представители Запада и Америки овладеют этими образцами в большей мере, чем это допустимо с нашей стороны.

Было бы грустно и тяжело сознавать, что произведения древне-русского искусства получают свое научное обоснование и утверждение за пределами своей родины.

Если русский гений умел создать величайшие произведения художественного творчества, он должен найти в себе силы и средства для их изучения, и для дальнейшего их хранения, и для их экспонирования.

Революция вскрыла ценность древне-русского искусства, очистила его величавые памятники от позднейших наслоений и показала миру то, чего он не знал.

И без требования, и без особых забот с нашей стороны заняло древне-русское искусство среди других великих мировых произведений художественного творчества подобающее место.

Малограмотные мастера, работавшие в области древне-русского искусства, к счастью не перевелись и сейчас, они приемами своей кисти вырабатывают новые

сюжеты, не вступающие в конфликт с современным восприятием и требованиями жизни.

Произведения такого искусства уже побывали на заграничных выставках и получили высшие награды за высоту своего художественного воздействия на зрителя.

В настоящее время почти в каждом губернском городе нашего Союза имеются научные институты, которые в меру современных возможностей оборудованы аппаратами, приборами и инструментарием. Научные работники этих учреждений разрешают часто сложные научные проблемы, обогащающие науку новыми ценностями.

Хотелось бы верить, что настал такой момент, когда наши научно-исследовательские институты и большие хранилища предметов искусства получают полную возможность изучать памятники древне-русского искусства во всей их полноте, раскрывая по ним исторические картины бытия русского народа.

Было бы весьма обидно, если бы мы — русские попрежнему продолжали узнавать о себе по литературе, доходящей до нас из за-границы. Обидно, неправильно и неприемлемо видеть себя в кривом зеркале, отражающим русскую действительность через немецкую, французскую или английскую призму. Нужно помнить, что историк

пользуется всеми источниками для выявления исторической правды, если этими источниками будут только иностранные писмена, то нам еще долго придется видеть себя в виде отражения в кривом зеркале.

Данное явление глубоко должно интересоваться нас уж потому, что древне-русское искусство может служить источником вдохновений для многих последующих поколений, и в недалеком будущем русские музеи, умножившиеся за революционный период, начнут конкурировать с музеями Италии. Мы еще не знаем, мы не отдаем себе ясного отчета в том, какими мощными ценностями в области искусства мы владеем в настоящее время.

Но не за горами то время, когда мы подытожим свои музейные ценности и научимся ценить их надлежащим образом, тогда отойдут в область пережитка вопросы, волнующие в настоящее время некоторые общественные классы, склонные думать, что государственные материальные средства тратятся недостаточно осмотрительно.

Спадет пелена с глаз русского народа, и мы вновь увидим величие древне-русского искусства и будем оценивать его по его художественной высоте, а не по сюжету, вступающему в конфликт с нынешним восприятием.

L'OEUVRE EMOTIONNELLE DE MOEURS DANS L'ANCIEN ART RUSSE.

Pour comprendre l'art d'un peuple, pour l'apprécier, pour concevoir son contenu et la direction de sa force créatrice il faut diviser l'histoire de son développement en étapes détachées et en étudier chacun séparément pour qu'on puisse reconstruire par synthèse une édifice de science historique bien bâtie. En outre il faut prendre en compte les particularités sociales et psychologiques propres à ce peuple.

On n'appelle un art national que lorsque le peuple tout entier prend une part active dans sa création, quand il n'entre pas en conflit avec les conceptions et les besoins du peuple, quand il anime son imagination créatrice, le remplit de joie, embellit sa vie de chaque jour si pauvre de plaisir et si riche de peine.

Pour analyser les étapes du développement de l'art ancien russe on peut diviser l'histoire du peuple russe en trois périodes.

Première période — c'est l'époque du polythéisme où les slaves empruntaient leurs coutumes chez leurs voisins et les adaptaient à leurs propres besoins. Cette période-là nous a laissé très peu de chef-d'oeuvres; on les découvre par des fouilles archéologiques.

Deuxième période—le christianisme—nous a fourni de riches matériaux pour étudier l'art du peuple. C'est à cette période que les conditions sociales et économiques ainsi que la vie psychique de l'homme russe ont beaucoup changé. La constitution de l'état passe peu à peu de l'anarchie à l'absolutisme. Vient l'esclavage qui entraîne avec lui des révoltes d'état et locales, car les conditions économiques de la vie du peuple deviennent de plus en plus pénibles. La nature avec son beau printemps et son été fleuri anime la force créatrice du peuple. L'automne pluvieux et l'hiver long et froid isolent l'homme russe de la vie ambiante et l'enfonce dans la méditation individuelle. Cette isolation durable pendant l'hiver crée dans la psychique de l'homme russe des conditions qui l'aident à animer et à transformer en images réelles ses sentiments poétiques.

Les conditions économiques et sociales de la vie de l'homme russe étaient très pénibles, car l'esclavage lui absorbait tout

son temps et ses forces; son maître le déposédait de tout son bien; il ne lui laissait que ce qui n'avait aucune valeur pratique. Le propriétaire avait de l'argent et des objets de haute valeur; il s'en servait pour mener un train de vie joyeux et doux. L'art ancien russe étant l'oeuvre nationale n'avait pas de débouchés de ses produits. Ni le fonctionnaire, ni le propriétaire ne l'appréciaient. Il passait lentement de génération en génération s'enrichissant d'émotions et tous ses sentiments de famille étaient étroitement liés à ces reliques héréditaires. Le peuple faisait ses chroniques familiales d'après ces oeuvres d'art, la naissance des enfants, la mort des proches, l'abondante ou la mauvaise récolte des blés, l'épizootie ou la multiplication du bétail; au nom de ces oeuvres se liaient les travaux champêtres: les semailles, la moisson, le battage, la fauchaison et ainsi de suite.

Les siècles coulaient et le peuple faisait le cycle de son développement émotionnel en créant une langue poétique de couleurs et de formes. Le peuple a élevé des temples grandiose, il les a orné de ses productions d'art et y reposait de tous ses malheurs qui tombaient sur lui comme de la corne d'abondance. La magnificence extérieure des temples, les hymnes triomphales qui

s'y accomplissaient contribuaient au déla-
ssement physique et psychique et voilà
pourquoi le peuple non seulement ne
dégénérait pas mais devenait plus fort et
créait son histoire. Larmes, tribulations,
complaintes étaient des acolytes constants
de la vie du peuple, et toutes ses émotions
pénibles le peuple incarnait dans son art et
ses oeuvres atteignaient une grande perfec-
tion.

Le perfectionnement de l'art ancien russe
durait jusqu'à l'époque de Pierre I.

Pierre I, revenu de l'étranger, mit fin au
développement ultérieur de l'art ancien russe
en ordonnant de dessiner comme on le fai-
sait en Hollande.

L'Europe entra dans la phase de dévelo-
pement intellectuel et créa un art correspon-
dant à ses besoins. La Russie était illettrée,
elle marchait par le chemin de développement
émotionnel et par conséquent elle ne put pas
concevoir l'art occidental. Le peuple russe
ne se mit point à dessiner à la Hollande,
mais il a perdu son propre art grâce à celui
qui était à la tête du gouvernement.

La révolution au moyen de restauration
donna à l'art russe sa valeur d'autrefois,
et c'est grâce à cette circonstance que tout
l'univers fit attention à cet art et l'apprécia
comme il le mérite.

L'Europe comprit que l'art ancien russe représentait un livre sur les feuilles colorées duquel sont fixés tous les malheurs du peuple russe; d'après ces feuilles colorées on peut restaurer le chemin pénible de l'histoire du peuple russe et pénétrer dans ses besoins et ses particularités psychologiques.

L'époque d'après Pierre est la troisième période de l'art russe, car à cette période l'art ancien russe finit son développement passe du peuple aux intellectuels, qui ont suivi le chemin de la peinture intellectuelle en satisfaisant non pas les besoins du peuple, mais les caprices des classes supérieures, le peuple ne comprenait ni n'appréciait l'art nouveau; il ne le comprend ni l'apprécie non plus à l'heure actuelle.

D-r P. K a r p o f f.

DIE LEBESSITTEN UND DIE EMOTIONELLE SCHÖPFERKRAFT IN DER ALT RUSSISCHEN KUNST.

Um die Kunst eines Volkes zu begreifen, um ihren Wert zu erforschen, um den wahren Inhalt und die Richtung des schöpferischen Prozesses dieses Volkes zu erfassen, muss seine Entwicklungsgeschichte in einzelne Epochen geteilt und jede Epoche für sich studiert werden. Nur dann kann mit Hilfe der Synthesis ein harmonisch—wissenschaftlich-historisches Ganzes gebaut werden. Ausserdem müssen auch die besonderen social-psychologischen Umstände mitgerechnet werden, die diesem Volke eigen sind.

Die Kunst kann Volkskunst nur dann genannt werden, wenn sie nicht den Volksbegriffen und Volksbedürfnissen widerspricht, wenn sie die schöpferische Phantasie des Volkes anregt, wenn sie den an Freude armen und an Kummer reichen Alltag widerspiegelt.

Um die Epochen der Entwicklung der alt-russischen Kunst zu ergründen, muss

die Geschichte des russischen Volkes in 3 Perioden geteilt werden.

Die erste Periode—die Vielgötterei, als die Slaven die Sitten von ihren Nachbarn annahmen und sie ihren Bedürfnissen anpassten. Diese Periode hat allzu wenig Muster der Kunst hinterlassen, letztere werden nur bei archeologischen Nachgrabungen gefunden.

Die zweite Periode — das Christenthum gab reiches Material zum Studium der Volkskunst. In dieser Periode gab es im Leben des russischen Volkes eine grosse Änderung der social-ökonomischen Bedingungen und des psychischen Lebens. Vom Anarchismus geht der Staat allmählich zum Absolutismus über. Es entwickelt sich die Sklaverei, die zu lokalen Aufständen und Staatsaufständen führt, da das Leben des Volkes materiell immer schwerer wird. Die Natur mit ihrem lichten Frühling und blumigem Sommer wirkt auf das Volksschöpfen anregend. Der regnerische Herbst und der lange kalte Winter isoliert den Russen, das ruft in ihn eine Vertiefung seines innern Lebens hervor. Die lange Verkehrsstörung bringt den Russen zu solchen Bedingungen, die ihm die Möglichkeit bieten seine künstlerischen Erlebnisse zu beleben und sie in tätige Form zu verwandeln.

Die social-ökonomischen Bedingungen des russischen Volkes waren äusserst schwer, da die Sklaverei seine ganze Kraft und Zeit verschlang. Der Herr nahm dem Bauer alles Wertvolle, das er besass ab und liess ihm nur das materiell Wertlose. Der Gutsbesitzer hatte Geld und kostbare Sachen; er gebrauchte das um lustig und angenehm zu leben.

Die alt-russische Kunst, die ein Werk des Volkes war, fand keine Abnahme. Sie wurde weder von den Staatsbeamten, noch von den Gutsbesitzern geschätzt. Unverändert ging sie von Stamm zu Stamm über, indem sie durch aufgeschichtete Gefühlsbewegungen bereichert wurde, da alle hervorragenden Familienereignisse mit diesen vererbten Reliquien eng verbunden waren. Nach diesen Kunstwerken führte das Volk seine Familienchronik, die mit der Geburt der Kinder, mit dem Tode naher Verwandten, mit der Ernte und Missernte, mit der Vermehrung des Viehes und mit der Viehseuche verbunden war. Die Namen dieser künstlerischen Werke standen in Zusammenhang mit den Feldarbeiten: mit der Aussat, mit der Ernte, mit dem Dreschen, mit dem Heusammeln u. s. w.

Jahrhunderte vergingen, indessen entwickelte sich das Gefühlsleben des Volkes. Es bildete auch seine Sprache in Farbe und

Form aus. Das Volk baute majestätische Tempel, schmückte sie durch Erzeugnisse seiner Kunst und ruhte dort von seinen Misèren aus, von welchen es, wie aus einem Füllhorn, überhäuft wurde. Die äusserliche Pracht der Tempel, die feierlichen Hymnen, die man dort zu hören bekam, schufen Bedingungen, die die psychische Ruhe hervorriefen und das allgemeine Ausruhen möglich machte. Das Volk artete nicht aus, sondern nahm an Kraft zu und schuf somit ihre Geschichte.

Die beständigen Begleiter des Volkslebens waren Tränen, Gram und Stöhnen, und diese schweren Seelenerlebnisse übertrug das Volk in seine Kunst und brachte sie zu hoher künstlerischer Vollkommenheit.

Die alt-russische Kunst wird bis Peter I vervollkommt. Nachdem Peter I aus dem Auslande zurückgekehrt war, konnte die alt-russische Kunst sich nicht mehr entwickeln, weil er den Befehl erliess so zu zeichnen, wie in Holland.

Europa war schon zur intellektuellen Entwicklung übergegangen, und seine Kunst entsprach den intellektuellen Bedürfnissen. In Russland dagegen verstand das Volk weder zu lesen, noch zu schreiben; hier entwickelte sich nur das Gefühlsleben und daher war dem russischen Volke die Kunst des Westens fremd. Das russische Volk hat nicht nur nicht nach holländischer Art

gezeichnet, sondern vernachlässigte auf Befehl des Herrschers die eigne Kunst.

Nach Peter I beginnt die dritte Periode der russischen Kunst, denn in dieser Periode hört die Entwicklung der Volkskunst auf. Sie geht aus Volkshänden in die Hände der Intelligenz über, die in der Kunst den Weg der intellektuellen Malerei einschlägt, indem sie nicht den Bedürfnissen der Volksmasse, sondern den Ansprüchen der höhern Klassen entgegengeht. Das Volk dagegen konnte die neue Kunst weder begreifen, noch schätzen, es begreift sie auch jetzt nicht und schätzt sie nicht.

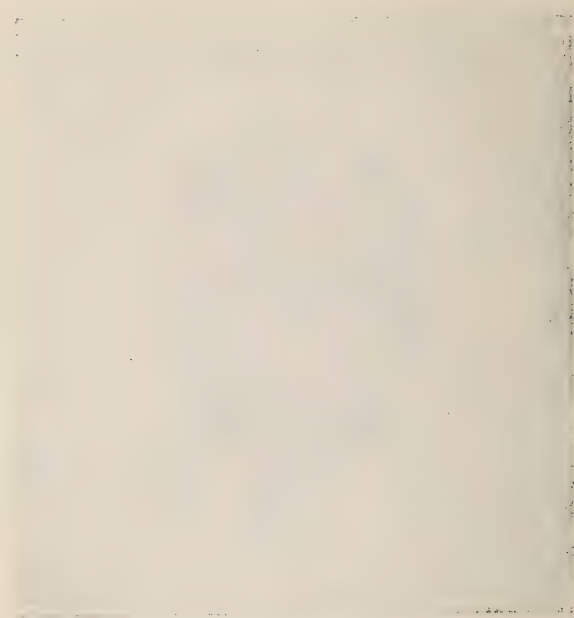
Die Revolution hat, dank des Restaurierens, der alt-russischen Kunst ihren frühern künstlerischen Wert zurückgegeben, was die Augen der ganzen Welt auf sie lenkte, indem sie sie richtig abschätzte. Europa hat nun eingesehen, dass die alt-russische Kunst ein Buch darstellt, auf dessen alten fabrigen Seiten der ganze Gram und das ganze Elend des russischen Volkes niedergeschrieben sind; nach diesen bunten Blättern kann man den kummervollen Weg der historischen Entwicklung des russischen Volkes vergegenwärtigen und dadurch in die Besonderheiten seines Seelenlebens und seiner Bedürfnisse eindringen.

D-r P. K a r p o f f.

РИСУНКИ
К ТЕКСТУ

1. Спас
(к стр. 61).

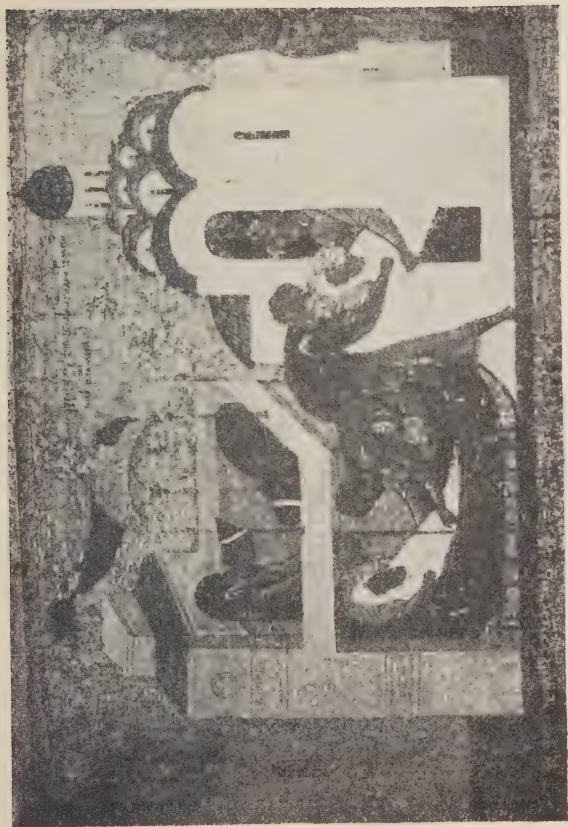

2. Рождество
(к стр. 62)

3. Надгробный плач
(к стр. 63).

4. Похороны Владимира
(к стр. 64).

5. Георгий
(к стр. 65).

6. Артемий
(к стр. 66).

7. Симеон
(к стр. 67).

8. Христофор
(к стр. 67):

9. Троица
(к стр. 68).

10. Пир царя Ирода
(к стр. 69).

11. Соломея с главою Иоанна
(к стр. 69).

12. Флор и Лавр
(к стр. 70).

13. Алексей, человек божий
(к стр. 96).

14. Варвара мученица
(к стр. 97).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ГЛАВА I.	
Вступление.	5
ГЛАВА II.	
Путь славянского развития.	
I период. — Многобожие.	
Исторические данные.	18
Предки славян	19
Верования славян.	22
Государственное устройство.	22
Психологическая оценка жизни древних славян.	24
ГЛАВА III.	
II период. — Христианство.	
Усложнение социальных условий.	28
Государственный строй	31
Рабство.	33
Бунты	35
Власть.	36
Природа и вера.	38
Смена верований.	41
Монастыри и церкви	48

ГЛАВА IV.

Искусство II-го исторического периода.

Внутренние переживания и их влияние на развитие искусства.	51
Образцы древне-русского искусства	
Спас.	61
Рожество.	62
Надгробный плач.	63
Похороны Владимира.	64
Георгий.	65
Артемий.	66
Симеон.	67
Христофор.	67
Троица.	68
Пир царя Ирода.	69
Соломея с главой Иоанна.	69
Флор и Лавр.	70

ГЛАВА V.

Психологическая расшифровка древне-русского искусства

Слово для грамотного.	72
Краски и формы для неграмотного.	76

ГЛАВА VI.

Искусство III-го исторического периода развития русского народа Интеллектуализм.

Петровские реформы.	85
Последствия петровских реформ.	91
Новое искусство.	96
Алексей, человек божий.	96
Варвара мученица.	97
Заключение.	97
L'oeuvre émotionnelle de moeurs dans l'ancien art russe.	103
Die Lebenssitten und die émotionnelle Schöpferkraft in der alt — russischen kunst.	108

О П Е Ч А Т К И

Ненечатано

Исправлено

Стр.	3,	строка	3	снизу	Schöpfer kraft	Schöpferkraft
»	103,	»	1	сверху	de mo- eurs	de moeurs
»	104,	»	9	снизу	l'enfonce	l'enfoncent
»	105,	»	5	»	grandiose	grandioses
»	»	»	8	»	émotionel	émotionnel
»	106,	»	10	»	ne put pas	ne pouvait pas

3/538468,

~~ЦЕНА 1 р. 50 к.~~

HECKMAN
BINDERY INC.

SEP 92

N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00008083860